

Гарри Поттер и Орден Феникса

Автор:

Джоан Роулинг

Гарри Поттер и орден феникса

Джоан Кэтлин Роулинг

Гарри Поттер #5

«Ты воспринимаешь мысли и эмоции Черного Лорда. Директор считает, что это следует прекратить. Он пожелал, чтобы я научил тебя блокировать сознание».

В «Хогварце» настали темные времена. После того как дементоры напали на его кузена Дудли, Гарри Поттер знает, что Вольдеморт ни перед чем не остановится, чтобы найти его. Многие отрицают возвращение Черного Лорда, но Гарри не один: в доме на площади Мракэнтлен собирается тайный орден, цель которого – бороться с темными силами. Гарри должен позволить профессору Злею научить его защищаться от яростных атак Вольдеморта на сознание. Но они становятся сильнее день ото дня, и у Гарри остается все меньше времени...

Дж. К. Роулинг

Гарри Поттер и орден феникса

Посвящается Нилу, Джессике и Дэвиду – они делают мой мир волшебным

Глава первая

Деменция Дудли

Рекордно жаркий день этого лета подходил к концу, и большие квадратные дома Бирючинной улицы окутывало дремотное молчание. Автомобили во дворах, обыкновенно сверкающие чистотой, потускнели от пыли, а газоны, некогда изумрудно-зеленые, высохли и пожелтели – в связи с засухой пользоваться шлангами запрещалось. Местные жители, вынужденные отказаться от привычных занятий – мытья машин и ухода за лужайками, – прятались по прохладным домам, широко распахнув окна в надежде заманить несуществующий ветерок. На улице оставался один лишь мальчик-подросток, лежавший навзничь на клумбе возле дома № 4.

Этот тощий черноволосый мальчик в очках, видимо, сильно прибавил в росте за очень короткое время и потому выглядел слегка нездорово. На нем были грязные рваные джинсы, мешковатая линялая футболка и старые спортивные тапочки, которые просили каши. Такая наружность, конечно, не прибавляла Гарри Поттеру очарования в глазах других обитателей улицы, свято веривших, что неопрятность следует причислить к уголовно наказуемым деяниям. К счастью, нынче вечером от соседских глаз его скрывал большой куст гортензии. Собственно, сейчас Гарри вообще могли бы заметить только его дядя и тетя, да и то если бы высунулись в окно и посмотрели прямо вниз, на клумбу.

В целом Гарри считал, что идея спрятаться здесь очень удачна. Конечно, лежать на раскаленной каменной земле не слишком удобно, зато никто не смотрит на него волком, не заглушает голос диктора зубовным скрежетом и не задает гнусных вопросов, как бывает всякий раз, когда он пытается смотреть телевизор в гостиной вместе с родственниками.

И, словно эта мысль случайно влетела через окно в комнату, оттуда неожиданно послышался голос Вернона Дурслея, приходившегося Гарри дядей:

– Хорошо хоть мальчишка больше сюда не лезет. Кстати, куда он подевался?

– Понятия не имею, – равнодушно ответила тетя Петунья. – В доме его нет.

Дядя Вернон невнятно рыкнул и язвительно прибавил:

– Он теперь, видите ли, интересуется новостями. Хотел бы я знать, что он на самом деле затевает. Чтобы нормального парня волновали события в мире!.. Так я и поверил! Дудли вот понятия ни о чем не имеет. Сомневаюсь, что он в курсе, как зовут премьер-министра... И вообще, не станут же про их кодлу рассказывать в наших новостях...

– Вернон, ш-ш-ш! – испуганно перебила его тетя Петунья. – Окно ведь открыто!

– Ах да... прости, дорогая.

Дурслеи затихли, и Гарри выслушал стишок про мюсли с фруктами и отрубями. Одновременно он наблюдал, как по улице бредет миссис Фигг, чокнутая престарелая кошатница, которая жила неподалеку в Глициниевом переулке. Миссис Фигг хмурилась и что-то бормотала себе под нос. Гарри еще раз порадовался, что догадался спрятаться за кустом: в последнее время миссис Фигг взяла моду при каждой встрече зазывать его на чай. Она уже завернула за угол и скрылась из виду, когда из окна опять поплыл голос дяди Вернона:

– Значит, Дудлика пригласили в гости?

– Да, к Полкиссам, – с нежностью ответила тетя Петунья. – У него столько друзей, ребята его так любят...

Гарри с трудом удержался, чтобы не фыркнуть. Просто поразительно, до чего слепо Дурслеи обожают сына. Все каникулы тот умудрялся кормить родителей весьма неизобретательной ложью про ежевечерние чаепития у приятелей, но Гарри-то прекрасно знал, что никаких чаев Дудли не пьет. Вместо этого каждый вечер Дудли и его банда отправляются в детский парк и крушат что под руку попадется, либо слоняются по улицам, курят и кидаются камнями в проезжающие машины и гуляющих детей. Гарри не однажды видел, как они этим занимаются, когда сам бродил по Литтл Уинджингу, – почти все каникулы он блуждал по улицам, заодно таская газеты из урн.

Тут до ушей Гарри донеслись первые ноты музыкальной заставки, предварявшей семичасовые новости, и в животе у него что-то судорожно сжалось. Может быть, сегодня... после целого месяца ожидания... может быть, сегодня.

– Число туристов, застрявших в аэропортах Испании, достигло рекордной отметки. Идет вторая неделя забастовки носильщиков...

– Вот я бы им устроил пожизненную сиесту, – заглушило конец фразы ворчание дяди Вернона, но это было не важно: под окном на клумбе Гарри уже чувствовал, что узел в животе потихоньку развязывается. Случись что-нибудь, об этом, без сомнения, сказали бы в первую очередь; смерть и катастрофы всегда идут раньше застрявших туристов.

Гарри медленно выдохнул и стал смотреть в ослепительно-синее небо. Этим летом каждый день одно и то же: мучительное напряжение, ожидание, потом временное облегчение, потом снова нарастающее беспокойство... и недоумение, всякий раз все острее: почему ничего не происходит?

Он продолжал слушать новости – так, на всякий случай, в надежде уловить хоть малейший намек, непонятный для муглов... какое-нибудь необъяснимое исчезновение или загадочный инцидент... но за сообщением о туристах последовал сюжет о засухе в юго-восточном районе («Надеюсь, сосед это смотрит! – заревел дядя Вернон. – Думает, мы не знаем, что он в три утра включает свои поливал-ки!»); потом о вертолете, чуть не потерпевшем крушение в Суррее; потом о разводе одной знаменитой актрисы с ее не менее знаменитым мужем («Очень нам интересно нюхать их грязное белье», – дернула носом тетя Петуния, которая с упорством маньяка выуживала подробности этой истории из всех журналов, какие только попадали в ее костлявые руки).

Яркое небо слепило глаза, и Гарри закрыл их, одновременно услышав: «...И последнее. Попка-дурак изобрел новый способ охладиться. Волнистый попугайчик Попка, проживающий в “Пяти перьях” в Парнсли, выучился кататься на водных лыжах! С подробностями – наш корреспондент Мэри Ахинейс».

Гарри открыл глаза. Раз дошли до попугайчиков на водных лыжах, дальше можно не слушать. Он осторожно перекатился на живот, встал на четвереньки и пополз прочь от окна.

Однако не успел он проползти и двух дюймов, одно за другим случилось сразу несколько событий.

Раздался оглушительный, похожий на выстрел хлопок, громким эхом разнесшийся в сонном молчании улицы; из-под машины неподалеку очумело выкатилась и унеслась кошка; из окна гостиной Дурслеев донесся вопль, громкое ругательство и звон разбившегося фарфора; и тогда, как по долгожданному сигналу, Гарри вскочил, выхватывая из-за пояса джинсов тонкую деревянную волшебную палочку, словно меч, но, не сумев даже выпрямиться, треснулся макушкой о раму открытого окна. Услышав грохот, тетя Петуния завопила еще громче.

Гарри показалось, что голова раскололась надвое. Из глаз неудержимо полились слезы. Он стоял покачиваясь, стараясь сфокусировать зрение и понять, откуда раздался хлопок, но, едва ему удалось обрести равновесие, из окна протянулись две багровые мясистые руки и крепко обхватили его за горло.

– А ну – убери – эту – штуку! – зарокотал Гарри в ухо голос дяди Вернона. – Быстро! Пока – никто – не – увидел!

– Отстаньте – от – меня! – задушенно прохрипел Гарри. Несколько секунд между ними шла ожесточенная борьба. Левой рукой Гарри пытался оторвать от себя дядины пальцы-сардельки, а правой крепко сжимал поднятую палочку. Макушку пронзила особо сильная боль, дядя Вернон пронзительно взвизгнул, как от удара током, и выпустил племянника – будто сквозь тело Гарри текла незримая сила, не позволявшая его коснуться.

Гарри, тяжело дыша, чуть не свалился на куст гортензии, но сумел-таки выпрямиться и огляделся. Вокруг не наблюдалось ничего такого, что могло бы издать хлопок, зато в окнах окрестных домов показались любопытные лица. Гарри поспешно сунул палочку за пояс джинсов и напустил на себя невинный вид.

– Добрый вечер! – прокричал дядя Вернон миссис из дома номер семь напротив, сурово глядевшей из-за тюлевых занавесок. – Слышали, какой сейчас был выхлоп? Мы с Петунией так и подпрыгнули!

Он продолжал неестественно лыбиться во все стороны, пока соседи не отошли от окон, и тогда безумная улыбка превратилась в гримасу яростного бешенства. Дядя Вернон поманил Гарри к себе.

Гарри приблизился на несколько шагов, осторожно, чтобы ненароком не перейти ту черту, за которой руки дяди Вернона смогут вновь схватить его за горло и начать душить.

– Какого рожна ты это сделал, парень? – Голос дяди Вернона прерывался от злости.

– Что сделал? – холодно уточнил Гарри. Он все озирался, надеясь увидеть, кто хлопнул.

– Палишь тут, как из пистолета, прямо у нас под...

– Это не я, – твердо сказал Гарри.

Рядом с широкой багровой физиономией дяди Вернона появилось худое лошадиное лицо тети Петунии. Она была в бешенстве.

– Что ты тут шныряешь?

– Да... Да! Правильно, Петунья! Что ты делал под окном, парень?

– Слушал новости, – безропотно признался Гарри. Дядя и тетя возмущенно переглянулись.

– Слушал новости? Опять?!

– Они вообще-то каждый день новые, – сказал Гарри.

– Ты мне не умничай! Я хочу знать, что ты на самом деле затеваешь, – и нечего мне мозги полоскать! «Слушаю новости»! Тебе прекрасно известно, что вашу братию...

– Тише, Вернон! – еле слышно выдохнула тетя Петунья.

Дядя Вернон понизил голос и договорил так тихо, что Гарри с трудом расслышал:

– ...Что вашу братию не показывают по нашему телевидению!

– Это вы так думаете, – сказал Гарри.

Несколько секунд дядя Вернон молча таращил на него глаза, а потом тетя Петуния решительно произнесла:

– Мерзкий лгунишка. Зачем же тогда все эти ваши... – тут она тоже понизила голос, и следующее слово Гарри пришлось читать по губам: – совы? Разве они не новости приносят?

– Да-да! – победно зашептал дядя Вернон. – Не пудри нам мозги, парень! Как будто мы не знаем, что свои новости ты получаешь от этих отвратных птиц!

Гарри молчал в нерешительности. Сказать правду было не так-то легко, пусть даже дядя с тетей и не могли понять его боль.

– Совы... не приносят мне новости, – бесцветно выговорил он.

– Не верю, – тут же сказала тетя Петуния.

– Я тоже, – горячо поддержал ее дядя Вернон.

– Ты что-то нехорошее затеял, это ясно, – продолжала тетя Петуния.

– Мы, между прочим, не идиоты, – объявил дядя Вернон.

– А вот это уж точно новость дня, – огрызнулся Гарри раздражаясь. Не успели Дурслеи ответить, он круто развернулся, пересек лужайку, переступил через низкую ограду и зашагал по улице.

Он знал, что нажил себе неприятности. Потом, конечно, придется поплатиться за грубость, но пока это не важно; ему и так есть о чем беспокоиться.

Он почти не сомневался, что громкий хлопок раздался оттого, что кто-то аппарировал на Бирючинную улицу или, наоборот, дезаппарировал. Точно с

таким же звуком растворялся в воздухе домовый эльф Добби. Возможно ли, что Добби сейчас здесь? Вдруг в эту самую минуту эльф идет за ним по пятам? Гарри круто обернулся, но Бирючинная улица была совершенно пуста, а Гарри точно знал, что Добби не умеет становиться невидимым.

Он шел, не выбирая дороги, – он уже столько раз тут бродил, что ноги сами несли его излюбленными маршрутами, – и каждые несколько шагов оглядывался через плечо. Пока он валялся среди умирающих бегоний тети Петунии, рядом был кто-то из колдовского мира, это точно. Почему же они не заговорили с Гарри? И где прячутся теперь?

Разочарование нарастало, а уверенность ослабела и исчезла.

В конце концов, вовсе не обязательно, что звук был волшебный. Может, из-за бесконечного ожидания он, Гарри, дошел до ручки и готов любой самый обычный шум принять за весточку из своего мира? Может, просто у соседей что-то разбилось или взорвалось?

При этой мысли на душе у Гарри сразу стало тягостно, и в мгновение ока опять навалилась горькая безнадежность, преследовавшая его все лето.

Завтра в пять утра он снова проснется по будильнику, чтобы заплатить сове, разносящей «Оракул», – но что толку его выписывать? В последнее время Гарри отбрасывал газету, не раскрывая: новость о возвращении Вольдеморта, когда до идиотов в редакции дойдет наконец, что это правда, поместят на первой полосе, а прочее неинтересно.

Если повезет, совы принесут и письма от Рона с Гермионой. Но Гарри давно оставил надежду узнать от них что-нибудь вразумительное.

Ты же понимаешь, мы не можем писать о сам-знаешь-чем... Нам не велели сообщать тебе никаких важных новостей, на случай, если письма заблудятся... Мы сейчас довольно сильно заняты, но я не могу рассказать в письме подробно... Здесь столько всего происходит, при встрече обо всем расскажем...

При встрече? И когда же это? Что-то никто не торопится назначить дату. На поздравительной открытке, которую Гермиона прислала ему в день рождения, было написано: «Думаю, что мы очень скоро увидимся». Но как скоро наступит

это самое «скоро»? Насколько можно понять по их туманным намекам, Рон с Гермионой сейчас вместе, предположительно у Рона. Гарри с трудом мирился с мыслью, что они двое веселятся в «Гнезде», а он вынужден торчать на Бирючинной улице. А если уж до конца откровенно, он злился на друзей так сильно, что выкинул целых две коробки рахатлукулловского шоколада, которые они прислали ему в подарок. Правда, сразу об этом и пожалел – после вялого салата, поданного в тот же вечер на ужин тетей Петунией.

И чем это таким они заняты? И почему он, Гарри, не занят ничем? Разве он не доказал, что способен на много, много большее, чем они? Неужели все забыли, что он сделал? Это ведь он был на кладбище и видел, как погиб Седрик, это его привязали к надгробию и чуть не убили...

Не вспоминай, – в сотый раз за лето приказал себе Гарри. Кладбище снилось ему в кошмарах каждую ночь; не хватало еще думать о нем наяву.

Он свернул в Магнолиевый проезд и вскоре прошел мимо узкого прохода рядом с гаражом, где когда-то впервые увидел своего крестного отца. Сириус хотя бы осознает, каково сейчас Гарри. Конечно, и он толком ничего не рассказывает, но его письма полны не многозначительных намеков, а слов заботы и утешения: я понимаю, как тебе сейчас тревожно... будь умничкой, все наладится... будь осторожен, не глупи...

«Что же – думал Гарри, сворачивая с Магнолиевского проезда на Магнолиевую улицу и направляясь к парку, над которым уже сгущались сумерки, – я по большому счету так и поступаю. Я же не привязал сундук к метле и не улетел в “Гнездо”, хотя ужасно хотелось». Гарри вообще считал себя паинькой – если учитывать, как его злит вынужденное сидение на Бирючинной улице и шнырянье по кустам в надежде хоть что-то узнать о лорде Вольдеморте. Но все равно, совет не глупить от человека, который двенадцать лет отсидел в колдовской тюрьме Азкабан, бежал, предпринял попытку совершить то убийство, за которое, собственно, и был осужден, а затем отправился в бега вместе с краденым гиппогрифом, – мягко говоря, бесит.

Гарри перелез через запертые ворота парка и побрел по высохшей траве. Кругом было так же пустынно, как и на окрестных улицах. Он дошел до площадки с качелями, сел на те единственные, которые еще не были сломаны Дудли и его приятелями, одной рукой обвил цепь и мрачно уставился в землю. Больше не выйдет прятаться на клумбе. Завтра придется изобрести новый способ

подслушивать новости. А пока ему не светит ничего хорошего, кроме очередной тяжелой беспокойной ночи: вечно снятся если не кошмары про Седрика, так обязательно какие-то длинные темные коридоры, ведущие в тупик, к запертым дверям. Видно, потому, что и наяву он в отчаянной безысходности. Шрам на лбу довольно часто саднит, но теперь это вряд ли беспокоит Рона с Гермионой, да и Сириуса тоже. Раньше боль предупреждала о том, что Вольдеморт вновь набирает силу, но теперь, когда и так ясно, что он вернулся, друзья, скорее всего, скажут, что шрам, собственно, и должен болеть... не о чем и говорить... старая песня...

Обида на эту сплошную несправедливость переполняла Гарри, и ему хотелось кричать от ярости. Да если бы не он, никто бы и не знал про Вольдеморта! А в награду его вот уже целый месяц маринуют в Литтл Уинджинге, в полной изоляции от колдовского мира! Вынуждают сидеть среди вялых бегоний и слушать про попугайчиков! Как мог Думбльдор взять и забыть про него? Почему Рон с Гермионой вместе, а его не позвали? Хватает же совести! И сколько ему еще терпеть наставления Сириуса? Сколько сидеть смирно, быть паинькой и бороться с искушением написать в газету: ку-ку, ребята, Вольдеморт вернулся? В голове у Гарри роились гневные мысли, внутри все переворачивалось от злости, а между тем на землю спускалась жаркая бархатистая ночь, воздух был напоен ароматом теплой сухой травы, и в тишине лишь глухо рокотали машины за оградой парка.

Неизвестно, сколько времени Гарри просидел на качелях, но в его мрачные мысли внезапно ворвались чьи-то голоса, и он поднял голову. С близлежащих улиц сквозь кроны деревьев проникал туманный свет фонарей, осветивший силуэты людей, шагавших через парк. Один громко распевал неприличную песню. Остальные смеялись. Все они, судя по приятному стрекотанию, катили рядом с собой дорогие гоночные велосипеды.

Гарри знал, кто это такие. Впереди, вне всякого сомнения, Дудли. Держит путь домой в окружении боевых друзей.

Дудли оставался громадиной, но прошлогодняя суровая диета и вдруг открывшийся талант сильно переменили его внешность. Недавно – о чем с большим восторгом сообщал всем и каждому дядя Вернон – Дудли стал победителем чемпионата по боксу среди юниоров-тяжеловесов школ Юго-Востока. «Благородный», по выражению дяди Вернона, спорт сделал Дудли фигурой еще более устрашающей, чем раньше, во времена, когда они с Гарри

ходили в начальную школу и Гарри служил двоюродному брату первой боксерской грушей. Гарри уже не боялся Дудли, но все равно считал, что, если тот научился бить точнее и сильнее – это отнюдь не повод для ликования. Для соседских детей Дудли был страшилищем похуже «бандита Поттера», которым их пугали родители, – такой, мол, отпетый хулиган, что его отдали в школу св. Грубуса, интернат строгого режима для неисправимых преступников.

Гарри смотрел на движущиеся силуэты, гадал, кому они навалили сегодня вечером, и вдруг поймал себя на том, что мысленно призывает их: оглянитесь! Ну же... оглянитесь... я тут совсем один... давайте... подойдите-ка...

Если дружки Дудли увидят его одного, они тут же бросятся к нему – и что тогда делать Дудли? Неприятно ударить лицом в грязь перед своей бандой, но и до смерти страшно спровоцировать Гарри... Интересно будет понаблюдать за этой внутренней борьбой... Дразнить Дудли и видеть, что он боится ответить... А если кто из его прихвостней захочет напасть – пожалуйста, Гарри готов: у него с собой палочка. Пусть только сунутся... он с радостью выместит злость – хотя бы отчасти – на этих типчиках, кошмаре его детства.

Но они не оборачивались и не видели его и почти уже дошли до ограды. Гарри поборол желание их окликнуть... глупо нарываться на драку... ему нельзя колдовать... нельзя рисковать... его же могут исключить из школы...

Голоса затихали; компания, направлявшаяся к Магнолиевой улице, скрылась из виду.

Вот тебе, Сириус, получи, – скучно подумал Гарри. – Я не сглупил. Был умничкой. В отличие от тебя.

Он встал и потянулся. Пора. А то дядя Вернон с тетей Петунией уверены, что домой надо приходить именно во столько, во сколько возвращается их сын, и ни секундой позже. Дядя Вернон даже грозился запереть Гарри в сарае, если тот еще хоть раз вернется после Дудли; подавив зевок и по-прежнему хмурясь, Гарри направился к воротам.

Магнолиевая улица ничем не отличалась от Бирючинной – те же большие квадратные дома с ухоженными газонами, те же большие квадратные хозяева и очень чистые машины. Литтл Уинджинг гораздо больше нравился Гарри ночью,

когда занавешенные окна ярко и красиво светились в темноте и можно было спокойно идти мимо, не опасаясь услышать очередную гадость о своей «бандитской роже». Он шагал быстро и вскоре нагнал банду Дудли; они прощались у поворота в Магнолиевый проезд. Гарри спрятался за кустом сирени и стал ждать.

– Визжал прямо как свинья, скажи? – говорил Малькольм под дружный гогот приятелей.

– Отличный хук справа, Чемпион, – хвалил Пирс.

– Завтра в то же время? – спросил Дудли.

– Давайте у меня, предков дома не будет, – предложил Гордон.

– Ладно, пока, – сказал Дудли.

– Пока, Дуд!

– До встречи, Чемпион!

Гарри подождал, пока дружки Дудли разойдутся, и отправился дальше. Когда голоса утихли, он свернул в Магнолиевый проезд и очень скоро почти нагнал Дудли. Тот брел весьма неспешно, немзыкально напевая себе под нос. Гарри шел за ним.

– Эй, Чемпион!

Дудли обернулся.

– А, – пробурчал он. – Это ты.

– Не-а, не я. Чемпион у нас ты, забыл?

– Заткнись, – рыкнул Дудли отворачиваясь.

– Что ж, хорошее имя, – сказал Гарри и, поравнявшись с кузеном, зашагал с ним в ногу. – Но для меня ты навсегда «Дудинька Дюдюша».

– Я же сказал, ЗАТКНИСЬ! – Руки Дудли сжались в кулаки.

– А твои друзья знают, как тебя называет мамочка?

– Заткни свой поганный рот.

– А ей ты не говоришь «заткни свой поганный рот»... Может, «Попкин» или «Пипкин»? Можно мне тебя так называть?

Дудли молчал. Видимо, сосредоточил все усилия на том, чтобы не броситься на Гарри.

– Ладно, лучше расскажи, кого вы отметили сегодня? – спросил тот, и улыбка исчезла с его лица. – Очередного малолетку? Насколько я знаю, пару дней назад не повезло Марку Эвансу...

– Он сам напросился, – пробурчал Дудли.

– Ах вот как?

– Он меня дразнил!

– Ой! Неужто он осмелился сказать, что ты похож на свинью, которую выучили ходить на задних ногах? Это не называется дразнить, Дуд, это называется говорить правду.

Желваки на лице Дудли ходили ходуном. Гарри испытывал огромное удовлетворение оттого, что ему удалось так сильно взбесить двоюродного брата; как будто вылил на Дудли свое раздражение – ведь больше его деть некуда.

Короткий путь из Магнолиевого проезда в Глициниевый переулок вел через тот самый проход, где Гарри впервые увидел Сириуса. Здесь было пустынно и намного темнее – никаких фонарей. С одной стороны возвышался забор, с

другой – стены гаражей, и шаги звучали глухо.

– Думаешь, если у тебя эта штука, ты самый крутой, да? – сказал Дудли после короткого раздумья.

– Какая штука?

– Ну эта... эта твоя... которую ты прячешь.

Гарри опять ухмыльнулся:

– Дуд, да ты, видать, не такой тупой! Впрочем, иначе ты, пожалуй, не мог бы ходить и говорить одновременно.

Гарри достал палочку и заметил, как покосился на нее Дудли.

– Тебе нельзя, – поспешно заявил Дудли. – Я точно знаю. А то тебя исключат из твоей дебильной школы.

– А вдруг у нас правила поменяли? А тебе не доложили?

– Ничего не поменяли, – сказал Дудли, но без особой убежденности.

Гарри тихо рассмеялся.

– Все равно, без этой штуки тебе на меня слабо, – проворчал Дудли.

– Да ты сам без четырех ассистентов десятилетнего мальчишку побить не можешь. Вот ты получил разряд по боксу. Сколько было твоему сопернику? Семь? Восемь?

– Шестнадцать, если хочешь знать, – буркнул Дудли, – и, когда я с ним закончил, он двадцать минут валялся как мертвый, а он, между прочим, в два раза тяжелей тебя. Вот погоди, я скажу папе, что ты опять доставал эту дрянь...

– Так, вот мы и побежали к папуле. Дюдюша-Чемпион испугался противной палочки.

– Что-то ты по ночам не такой храбрый, – мерзко ухмыльнулся Дудли.

– Ночь – это то, что сейчас, Попкин. Так называется время, когда вокруг темно.

– Я имею в виду, ночью в кровати! – рявкнул Дудли.

Он остановился. Гарри тоже остановился и уставился на двоюродного брата. В темноте было плохо видно, но, кажется, тот смотрел победителем.

– Чего? Ночью в кровати я не такой храбрый? Что это значит? – озадаченно спросил Гарри. – А чего мне там бояться? Подушек?

– Я слышал сегодня, – негромко проговорил Дудли. – Ты разговаривал во сне. Стонал.

– Чего? – снова спросил Гарри, но у него уже похолодело в груди. Этой ночью ему опять снилось кладбище.

Дудли хрипло хохотнул и заскулил тоненьким голоском:

– «Не убивай Седрика! Не убивай Седрика!» Кто такой Седрик? Твой бойфренд?

– Я... Ты врешь, – машинально сказал Гарри. Но во рту у него пересохло. Он прекрасно понимал, что Дудли не врет – откуда еще ему знать про Седрика?

– «Папа! Помоги мне, папа! Папочка, он хочет меня убить! У-у-у!»

– Заткнись! – тихо приказал Гарри. – Умолкни, Дудли, иначе я за себя не ручаюсь!

– «Папочка, помоги! Мамочка, помоги! Он убил Седрика! Папочка, спаси меня! Он хочет...» Не тычь в меня этой штукой!

Дудли вжался в забор. Палочка нацелилась прямо ему в сердце. Вся ненависть, накопившаяся за долгие четырнадцать лет, закипела у Гарри в сердце – чего только он не отдал бы сейчас за возможность садануть Дудли заклятием пострашнее! И пусть ползет домой бессмысленным насекомым с какими-нибудь ложноножками...

– Больше не смей и заикаться об этом, – яростно прошипел Гарри. – Понял?

– Убери эту штуку!

– Я спрашиваю, понял?

– Убери эту штуку!

– ПОНЯЛ МЕНЯ?

– УБЕРИ ОТ МЕНЯ СВОЮ...

И вдруг Дудли судорожно охнул, будто неожиданно окунувшись в ледяную воду.

Произошло что-то непонятное. Звездное небо цвета индиго внезапно почернело, и наступила крошечная тьма – исчезли и луна, и звезды, и мерцающий свет фонарей в переулках. Не стало слышно шелеста листвы и далекого рокота автомобилей. Теплый вечер обжигал пронзительным холодом. Гарри и Дудли окружила абсолютная, непроницаемая, черная тишина, словно чья-то гигантская рука накрыла все вокруг плотной ледяной накидкой, не пропускавшей ни звука, ни света.

Сначала Гарри решил, что, сам того не желая, проделал какое-то волшебство, но потом разум взял верх над чувствами – как бы там ни было, выключить звезды ему не под силу. Он повертел головой, стараясь увидеть хоть что-нибудь, но тьма невесомой вуалью льнула к глазам.

В уши ударил перепуганный голос Дудли:

– Т-ты чего н-наделал? Уб-бери это!

– Ничего я не наделал! Замолчи и не двигайся!

– Я н-ничего н-не в-вижу! Я ослеп! Я...

– Я сказал, помолчи!

Гарри стоял как вкопанный и тщетно пытался разглядеть что-то в темноте. Стало так холодно, что его трясло с головы до ног; руки покрылись гусиной кожей, а волосы на затылке встали дыбом. Гарри все крутил головой и без толку тарасил глаза.

Немыслимо... невозможно... как они оказались здесь... в Литтл Уинджинге?.. Гарри напряг слух... он услышит их раньше, чем сможет увидеть...

– Я п-пожалуюсь п-папе! – заскулил Дудли. – Т-ты г-где? Т-ты ч-что?..

– Да тихо ты! – прошипел Гарри. – Дай послу...

И оборвал сам себя – он услышал именно то, чего так боялся.

В проходе кроме них было что-то еще – и оно медленно, судорожно, свистяще втягивало в себя воздух. Гарри окатило волной ужаса.

– Х-хватит! П-прекрати! А то к-как т-тресну, п-понял...

– Дудли, тихо...

БАМ.

Кулак попал Гарри в висок. Ноги оторвались от земли. В глазах вспыхнул белый фейерверк, и во второй раз за вечер Гарри показалось, что голова раскололась надвое. Он тяжело рухнул на землю. Палочка вылетела из рук.

– Ты болван, Дудли! – заорал Гарри, вздернувшись на четвереньки и слепо шаря вокруг. Он услышал, что Дудли понесся куда-то, спотыкаясь на ходу и стучаясь о забор. – ДУДЛИ, НАЗАД! ТЫ БЕЖИШЬ ПРЯМО НА НЕГО!

Тишину прорезал ужасающий визг, и топот прекратился. В то же самое мгновение Гарри спиной ощутил наползающий холод, а это означало только одно: их тут несколько.

– ДУДЛИ, НЕ ОТКРЫВАЙ РОТ! ГЛАВНОЕ, НЕ ОТКРЫВАЙ РОТ! Ну где же... – отчаянно забормотал Гарри. Его руки шныряли по земле как пауки. – Где же... палочка... давай же... люмос!

Он произнес заклинание машинально – очень уж нужен был свет, – и, к его несказанному облегчению, в считанных дюймах от правой руки появился лучик: на кончике волшебной палочки зажегся свет. Гарри схватил палочку, вскочил, осмотрелся...

И внутри все перевернулось.

К нему над самой землей медленно скользила, всасывая на ходу ночной воздух, высокая фигура в плаще с капюшоном, без лица и без ног.

Спотыкаясь, Гарри отступил и поднял палочку.

– Экспекто патронум!

Палочка выпустила облачко серебристого пара, и движение дементора замедлилось, но заклинание не сработало как следует – дементор надвигался на Гарри, а тот лишь в ужасе пятился, путаясь в собственных ногах. Мысли остановились от страха... Сосредоточься...

Из-под плаща высунулись серые, покрытые слизью и струпьями руки, потянулись к Гарри. В ушах у него зашумело...

– Экспекто патронум!

Его голос прозвучал словно издалека. И опять из кончика палочки выплыло серебристое облачко, еще жиже предыдущего... Все, он разучился, он больше не умеет исполнять это заклинание!

Голова наполнилась хохотом, высоким, пронзительным хохотом... зловонное, смертоносное дыхание дементора заполняло легкие, Гарри стремительно тонул в нем... скорее... счастливые воспоминания...

Но он не мог вспомнить ничего счастливого... ледяные пальцы неумолимо смыкались на его шее... пронзительный хохот звучал все громче, и в голове кто-то шептал: «Поклонись своей смерти, Гарри... это, наверное, даже не больно... не знаю... никогда не умирал...»

Он больше не увидит Рона и Гермиону...

И когда он отчаянно боролся за глоток воздуха, перед мысленным взором очень отчетливо возникли лица друзей.

– ЭКСПЕКТО ПАТРОНУМ!

Из палочки вырвался огромный серебристый олень и на лету ударил дементора рогами туда, где должно было находиться сердце. Дементор, невесомый, как сама тьма, был отброшен назад. Олень грозно наступал, а побежденный дементор ринулся прочь, похожий на летучую мышь.

– СЮДА! – крикнул Гарри оленю. Развернувшись, он помчался по проходу с палочкой наперевес. – ДУДЛИ? ДУДЛИ!

Он не пробежал и десяти шагов, как наткнулся на них: Дудли лежал на земле, сжавшись в комок и закрыв лицо руками, а второй дементор склонялся над ним. Слизкими лапами он держал Дудли за запястья и медленно, почти любовно разводил его руки и под капюшоном склонялся, будто для поцелуя.

– БЕЙ ЕГО! – вскричал Гарри. Олень с мощным свистом проскакал мимо. Безглазое лицо нависло над самым лицом Дудли, но тут олень ударил дементора рогами; того подбросило, и он, как и его напарник, улетел прочь и исчез в темноте; олень проскакал к переулку и растворился в серебристом тумане.

Луна, звезды и фонари в мгновение ока вернулись на свои места. Подул теплый ветерок. В близлежащих садах зашелестели деревья, а из Магнолиевого проезда снова донесся будничный рокот машин. Гарри застыл – чувства обострены до

предела – и не сразу осознал внезапное возвращение к нормальной действительности. Потом заметил, что футболка плотно прилипла к телу; он был весь в поту.

Он никак не мог поверить в случившееся. Дементоры – здесь, в Литтл Уинджинге.

Дудли, скорчившись, лежал на земле. Он трясся и тоненько поскуливал. Гарри наклонился проверить, в состоянии ли Дудли ходить, но тут за спиной раздался лихорадочный топот. Инстинктивно вскинув палочку, Гарри развернулся – кто бы там ни был, встретить его лицом к лицу.

Из темноты, на ходу теряя клетчатые шлепанцы, появилась совершенно запыхавшаяся полоумная старушка миссис Фигг. Из-под сеточки для волос вырывалась путаная седая пакля, на запястье, позвякивая, раскачивалась авоська. Гарри суетливо дернулся, намереваясь поскорее спрятать палочку, но...

– Куда, балда! Не убирай! – завопила миссис Фигг. – А если тут еще есть? Нет, я просто укрошу этого Мундугнуса Флетчера!

Глава вторая

Засовали долбы

– Чего? – тупо спросил Гарри.

– Смылся! – ломая руки, воскликнула миссис Фигг. – Какая-то там у него встреча, какие-то котлы, видишь ли, с метлы свалились! Я ведь говорила: кожу сдеру, если уйдешь, а он... И вот пожалуйста! Дементоры! Хорошо еще, я поставила там мистера Пуфика! Ладно, некогда нам тут болтаться! Ну что же ты, шевелись, надо поскорее доставить вас назад! Ох, что же будет! Я убью его, просто убью!

– Но... – То, что старая любительница кошек знала, кто такие дементоры, потрясло Гарри не меньше чем самое их появление в здешних местах. – Вы... вы – ведьма?

– Я шваха, о чем Мундугнусу прекрасно известно! Вот как, скажите на милость, я должна была справляться с дементорами? Оставил тебя без прикрытия, а ведь я предупреждала...

– Значит, этот самый Мундугнус следил за мной? Подождите... Так это был он! Это он дезаппарировал от нашего дома!

– Да, да, да! Счастье еще, что я на всякий случай поставила на дежурство мистера Пуфика, под машину, и он прибежал меня предупредить, но, когда я добралась до вашего дома, ты уже ушел... а теперь... что скажет Думбльдор? Ну ты! – пронзительно крикнула она на недвижимого Дудли. – Поднимай уже свою жирную задницу!

– Вы знаете Думбльдора? – уставился на нее Гарри.

– Конечно, я знаю Думбльдора, кто же не знает Думбльдора? Но пойдем наконец – если они вернутся, от меня проку не будет, я и чайный пакетик в чай не превращу. – Она нагнулась, сморщенными пальчиками схватила массивную ручищу Дудли и дернула: – Вставай, бревно бессмысленное, вставай!

Но Дудли либо не мог, либо не хотел двигаться. Он лежал на земле с пепельно-серым лицом, дрожал и очень крепко сжимал губы.

– Дайте я. – Гарри взял Дудли за руки, рванул с нечеловеческой силой и сумел поднять. Дудли пребывал в полуобморочном состоянии. Маленькие глазки выкатились из орбит, на лице выступили капли пота; стоило Гарри на секунду его отпустить, как Дудли угрожающе пошатнулся.

– Скорее! – истерично торопила миссис Фигг.

Гарри закинул к себе на плечи мясистую лапищу Дудли и, проседая под чудовищной тяжестью, поволок его к дороге. Миссис Фигг семенила впереди. Она осторожно заглянула за угол.

– Не убирай палочку, – предупредила она Гарри, когда они вышли в Глициниевый переулок. – Забудь пока про Закон о секретности, голову все одно снимут, но, как говорится, платить, так уж по гринготтскому счету. Вот вам декрет о

рациональных ограничениях колдовства среди несовершеннолетних... вот этого Думбльдор и боялся... Что там в конце улицы? Ах, это мистер Прентис всего-навсего... Да не убирай ты палочку, сколько можно говорить, что от меня никакого толку?

Держать палочку и одновременно волочь на себе Дудли было не так-то просто. Гарри, потеряв терпение, ткнул двоюродного брата под ребра, но Дудли решительно не желал двигаться самостоятельно. Он мертвым грузом висел на плече у Гарри, и его огромные ноги волочились по земле.

– Миссис Фигг, почему вы никогда не говорили, что вы шваха? – пыхтя и отдуваясь, спросил Гарри. – Я столько раз бывал у вас дома... почему вы ничего не сказали?

– По приказу Думбльдора. Я должна была приглядывать за тобой, но ни о чем не рассказывать, ты был слишком маленький. Уж прости, что плохо тебя развлекала, Гарри, но Дурслеи ни за что не пускали бы тебя ко мне, если б знали, что тебе у меня нравится. Это было нелегко, уж поверь... О господи, – она снова трагически заломила руки, – когда Думбльдор узнает... как Мундугнус посмел уйти с поста до полуночи? И где его носит? Как я доложу Думбльдору? Я же не умею аппарировать!

– У меня есть сова, возьмите ее, – простонал Гарри, сильно опасаясь, что под тяжестью Дудли у него вот-вот переломится хребет.

– Гарри, ты не понимаешь! Думбльдору нужно действовать как можно скорее, министерство ведь сразу фиксирует случаи незаконного колдовства, там уже все знают, уверяю тебя.

– Но мне же нужно было отогнать дементоров, как я мог обойтись без колдовства? Их ведь больше должно волновать, откуда в Глициниевом переулке взялись дементоры?

– О господи, господи, хорошо бы так, вот только я боюсь... МУНДУГНУС ФЛЕТЧЕР! Я ТЕБЯ УБЬЮ!

Раздался громкий хлопок, кругом разлился запах спиртного и застарелого курева, и одновременно из воздуха материализовался коренастый небритый

человек в драном пальто. У него были короткие кривые ноги, длинные рыжие космы, покрасневшие глаза, а под ними мешки, из-за которых он смахивал на скорбного бассет-хаунда. В руках он сжимал серебристый сверток – Гарри сразу узнал плащ-невидимку.

– Чё стряслось, Фигуля? – спросил он, невинно хлопая глазами и переводя взгляд с миссис Фигг на Гарри, а потом на Дудли. – Мы чего, уже не под прикрытием?

– Я тебе покажу под прикрытием! – завопила миссис Фигг. – У нас тут дементоры, ворюга бессовестный! Дрянь безмозглая!

– Дементоры? – ошалело повторил Мундугнус. – Дементоры, здесь?

– Здесь, навоз ты куриный, здесь! – продолжала голосить миссис Фигг. – Дементоры напали на мальчика в твоё дежурство!

– Мама дорогая, – слабым голосом выговорил Мундугнус, водя глазами от миссис Фигг к Гарри и обратно. – Мама дорогая... да я...

– Ты! А ты котлы ворованные скупал! Разве я не говорила, чтоб ты на месте оставался? Не говорила?

– Ну я... мне... – Мундугнус донельзя сконфузился. – Так ведь шанс... уникальный... бизнес, понимаешь?..

Миссис Фигг взмахнула рукой с авоськой и принялась колошматить Мундугнуса по шее и по физиономии. Судя по клацанью, в авоське были банки с кошачьей едой.

– Ой! Все, хва... Сказал, хватит, мышь бешеная! Надо же Думбльдора предупредить!

– Совершенно – верно – надо! – Миссис Фигг все размахивала авоськой. – И – лучше – если – это – сделаешь – ты! Сам – ему – и – скажешь – почему – тебя – не – было – на – месте!

– Хорош, хорош! Сетку с волос не потеряй! – крикнул Мундугнус, приседая и закрывая голову руками. – Пошел я, пошел!

И с очередным громким хлопком испарился.

– И надеюсь, что Думбльдор тебя растерзает! – кровожадно крикнула миссис Фигг. – Ну же, давай, Гарри, чего дожидаться?!

Гарри решил не тратить силы и не объяснять, что буквально уже не в состоянии волочить полуживого кузена, а лишь вскинул его повыше и, шатаясь, зашагал дальше.

– Я провожу вас до двери, – сказала миссис Фигг, когда они свернули на Бирючинную улицу. –

На всякий случай... вдруг там еще... ох, батюшки, это просто катастрофа... и тебе пришлось бороться с ними самому... а Думбльдор велел, чтоб мы любой ценой не давали тебе колдовать... м-да... что толку плакать над пролитым зельем... Кота в мешке не утаишь...

– Значит, – пропыхтел Гарри, – это Думбльдор... велел... за мной... следить?

– А кто ж еще, – ответила миссис Фигг. – Думаешь, после того, что случилось в июне, он бы позволил тебе разгуливать без присмотра? А вроде говорят, что ты умный мальчик!.. Давай, быстро в дом – и сиди там, – прибавила она, поскольку они уже дошли. – Наверняка с тобой скоро свяжутся.

– А вы что будете делать? – поспешно спросил Гарри.

– А я к себе, – ответила миссис Фигг и, содрогнувшись, оглядела темную улицу. – Ждать указаний. Спокойной ночи.

– Подождите, не уходите! Я хотел спросить...

Но миссис Фигг уже семенила прочь, шлепая тапочками и позвякивая авоськой.

– Подождите! – снова крикнул ей вслед Гарри. У него миллион вопросов, она ведь общается с Думбльдором... но не прошло и пары секунд, как миссис Фигг растворилась в ночи. Хмурясь, Гарри поправил руку Дудли у себя на плече и с трудом потащился по дорожке к дому.

В холле горел свет. Гарри сунул палочку за пояс, позвонил и скоро увидел, как, приближаясь, за рифленным дверным стеклом вырастает странно искаженный силуэт тети Петунии.

– Дудличка! Слава богу, а то я уже начала всерьез волнова... волнова... Дюдюша, что с тобой?!

Гарри, скосив глаза, посмотрел на Дудли и едва успел выскользнуть из-под его руки. Дудли, слегка позеленев, некоторое время покачался на месте, а потом открыл рот, и его сильно вырвало на коврик.

– Дудлик! Дудлик, что с тобой?! Вернон? ВЕРНОН!

Грузный дядя Вернон иноходью прискакал из гостиной. Его моржовые усы подергивались, как и всегда, когда он бывал взволнован. Он поспешил к тете Петунии и помог ей перевести ослабевшего Дудли через порог и лужу рвоты.

– Вернон, ему плохо!

– В чем дело, сынок? Что случилось? Миссис Полкисс что-то не то подала к чаю?

– Почему ты весь в грязи, деточка? Ты что, лежал на земле?

– Подожди-ка... На тебя случайно не напали, а, сыночек?

Тетя Петуния страшно закричала:

– Вернон, звони в полицию! Звони в полицию! Дюдюшенька, дорогой, поговори с мамочкой! Что они с тобой сделали?

В суматохе никто не обращал никакого внимания на Гарри – и это его полностью устраивало. Он сумел проскользнуть в дом до того, как дядя Вернон захлопнул

дверь, и, пока троица Дурслеев шумно перемещалась через холл к кухне, тихонько направился к лестнице.

– Кто это был, сынок? Назови имена. Мы их найдем, даже не сомневайся.

– Ш-ш-ш! Он хочет что-то сказать, Вернон! Что, Дудличек? Скажи маме!

Гарри уже поставил ногу на нижнюю ступеньку, когда Дудли сумел наконец выдать:

– Это он.

Гарри замер, занеся ногу, и сжался в ожидании взрыва.

– ТЫ! А НУ ИДИ СЮДА!

В страхе и ярости Гарри медленно снял ногу со ступеньки, повернулся и последовал за Дурслеями на кухню.

После крошечной тьмы улицы патологически чистая, сверкающая кухня показалась ему чем-то нереальным. Дудли, по-прежнему зеленого и в липком поту, тетя Петунья усадила на стул. Дядя Вернон стоял около сушилки и сверлил Гарри свирепым взглядом прищуренных глазок.

– Что ты сделал с моим сыном? – грозно спросил он.

– Ничего, – ответил Гарри, прекрасно, впрочем, понимая, что дядя ему не поверит.

– Дудленька, что он тебе сделал? – дрожащим голосом спросила тетя Петунья, губкой отчищая кожаную куртку сына. – Он что... он... ну, сам-знаешь-что, да, дорогой? Он доставал... свою штуку?

Дудли медленно, боязливо кивнул. Тетя Петунья издала протяжный вопль, а дядя Вернон затряс кулаками.

– Вранье! – закричал Гарри. – Я ему ничего не сделал, это не я, это...

И тут в окно бесшумно влетела совка. Чуть не задев дядю Вернона по макушке, она пересекла кухню и, открыв клюв, сбросила к ногам Гарри большой пергаментный конверт. Затем, мазнув кончиками крыльев по холодильнику, она красиво развернулась, вылетела в окно и скрылась над садом.

– СОВЫ! – завопил дядя Вернон, и у него на виске сердито забилась многострадальная жилка. Он с грохотом захлопнул окно. – ОПЯТЬ СОВЫ! Я ЖЕ СКАЗАЛ, ЧТО БОЛЬШЕ НЕ ПОТЕРПЛЮ В СВОЕМ ДОМЕ НИКАКИХ СОВ!

Но Гарри уже рвал конверт и вынимал письмо. Его сердце колотилось где-то в районе кадыка.

Уважаемый м-р Поттер!

Мы получили донесение о том, что сегодня вечером, в 21:23, в муглонаселенном районе и в присутствии одного из муглов, Вами было исполнено заклятие Заступника.

Доводим до Вашего сведения, что вследствие столь серьезного нарушения Декрета о рациональных ограничениях колдовства среди несовершеннолетних Вы исключаетесь из школы колдовства и ведьминских искусств «Хогварц». В ближайшее время представители министерства придут по месту Вашего жительства с тем, чтобы подвергнуть уничтожению Вашу волшебную палочку.

Кроме того, поскольку ранее Вы уже получали предупреждение по поводу нарушения положений раздела 13 Закона о секретности Международной конфедерации чародейства, мы вынуждены уведомить Вас о том, что 12 августа сего года в здании министерства магии состоится дисциплинарное слушание Вашего дела.

С пожеланиями здоровья и благополучия,

искренне Ваша,

Мафальда Хопкирк

Отдел неправомочного

использования колдовства

Министерство магии

Гарри перечитал письмо дважды. Сейчас он едва понимал, что говорят ему дядя Вернон и тетя Петунья. В голове царила мутная ледяная пустота. Одна-единственная мысль отравленной стрелой пронзала сознание. Его исключили из «Хогварца». Все кончено. Он больше никогда туда не вернется.

Он поднял глаза на Дурслеев. Багроволицый дядя Вернон орал, так и не опустив кулаков, тетя Петунья обвивала руками Дудли, которого снова рвало.

Временно отключившийся мозг словно пробудился от зачарованного сна. «В ближайшее время представители министерства придут по месту Вашего жительства с тем, чтобы подвергнуть уничтожению Вашу волшебную палочку». Остается одно – бежать. Куда бежать, Гарри не знал, знал только, что, в «Хогварце» или нет, остаться без палочки он не может. Как в тумане, он достал ее из-за пояса и повернулся к двери.

– Ты куда это направился?! – закричал дядя Вернон и, не получив ответа, тяжеломерно затоптал по кухне, чтобы перекрыть выход. – Я, парень, с тобой еще не закончил!

– Прочь с дороги, – тихо сказал Гарри.

– Ты останешься и объяснишь, каким образом мой сын...

– Если вы не уйдете с дороги, я наложу на вас заклятие. – Гарри угрожающе поднял палочку.

– А вот этого не надо! – зарычал дядя Вернон. – Тебе нельзя колдовать за стенами дурдома, который у вас называется школой!

– Из дурдома меня выперли, – сообщил Гарри. – Так что я могу делать все, что хочу. Даю вам три секунды. Раз... два...

И тут что-то громко задребезжало. Тетя Петуния закричала, дядя Вернон завизжал и пригнулся, а Гарри уже третий раз за вечер заозирался в поисках источника непонятного шума. И на сей раз быстро его обнаружил: снаружи на подоконнике сидела встрепанная, недоумевающая сипуха, которая только что врезалась в стекло.

Не обращая внимания на мученический вопль дяди Вернона: «СОВЫ!» – Гарри подбежал и распахнул окно. Сова протянула лапку и, как только Гарри отвязал маленький пергаментный свиток, встряхнулась и улетела. Дрожащими руками Гарри развернул второе письмо, написанное в явной спешке и заляпанное черными кляксами.

Гарри,

Думбльдор только что прибыл в министерство. Он старается все уладить. НИКУДА НЕ УХОДИ ИЗ ДОМА. НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ КОЛДУЙ. НЕ СДАВАЙ ПАЛОЧКУ.

Артур Уизли

Думбльдор старается все уладить... что это значит? Разве он может указывать министерству? Значит ли это, что у Гарри появился шанс не вылететь из «Хогварца»? В груди затеплилась робкая надежда, почти сразу же задушенная приступом паники, – что значит «не сдавай палочку»? Как же тут без колдовства? Что ему, драться с министерскими? Да за такое уже не исключение, а хорошо, если в Азкабан не посадят.

Мысли в голове заскакали... Можно попробовать бежать, с риском попасться в лапы представителям министерства, а можно остаться и дожидаться их здесь. Первый вариант привлекал гораздо больше, но, с другой стороны, Гарри понимал, что мистер Уизли плохого не посоветует... и потом, Думбльдор улаживал и не такие дела.

– Ладно, – сказал Гарри. – Я передумал. Я остаюсь.

Он устало шлепнулся на стул у кухонного стола напротив Дудли и тети Петунии. Дурслеев, казалось, неприятно удивила эта его неожиданная перемена решения. Тетя Петунья бросила отчаянный взгляд на мужа; у того на виске все сильнее билась жилка.

– От кого вообще эти проклятушие совы? – страшным голосом спросил он.

– Первая – из министерства магии, уведомление об исключении, – спокойно объяснил Гарри. Он напряженно ловил малейшие звуки с улицы – не идут ли представители миниистерства, – и ему было проще без лишнего шума ответить дяде на вопросы, чем доводить того до скандала и крика. – А вторая – от отца моего друга Рона, который работает в министерстве.

– В министерстве магии? – возопил дядя Вернон. – Ваши люди в правительстве? О, это все объясняет, все, все объясняет. Теперь я понимаю, почему эта страна катится в тартарары.

Гарри промолчал. Дядя Вернон некоторое время негодуяше смотрел на него, а потом злобно выплюнул:

– И за что же тебя исключили?

– За колдовство.

– А-ГА! – загрохотал дядя, стукнув кулачищем по холодильнику. Дверца открылась, и на пол высыпались низкокалорийные батончики, припасенные для Дудли. – Признался! Говори, что ты сделал с Дудли?

– Ничего, – повторил Гарри, теряя терпение. – Это был не я...

– Ты, – неожиданно заговорил Дудли.

Дядя Вернон с тетей Петунией замахали руками на Гарри, чтобы тот замолчал, и низко склонились над сыном.

– Говори, сынок, говори, – упрашивал дядя Вернон. – Что он сделал?

– Скажи нам, милый, – шептала тетя Петуния.

– Направил на меня свою палку, – промямлил Дудли.

– Ну, направил, но я ничего не сделал... – сердито начал Гарри, но...

– МОЛЧАТЬ! – хором заорали дядя Вернон и тетя Петуния.

– Продолжай, сыночек, – ласково сказал дядя, яростно взмахнув усами.

– Стало ужасно темно, – хрипло начал Дудли. – Везде-везде. А потом я услышал... ну, всякое такое. В голове.

Дядя Вернон и тетя Петуния обменялись взглядами, полными непередаваемого ужаса. Самой распоследней вещью на свете они считали колдовство, а предпоследней – соседей, умудряющихся хитроумнее, чем они сами, обойти запрет на полив из шлангов. Люди же, которые слышат голоса, в их табели о рангах занимали одно из десяти последних мест. Было понятно, что сейчас думают дядя и тетя: наш бедный сын сходит с ума.

– Какое такое ты слышал, Попкин? – Лицо тети Петунии мертвенно побелело, а в глазах стояли слезы.

Но Дудли не мог рассказать. Он сильно содрогнулся и затряс большой блондинистой головой. Гарри, невзирая на безразличное отчаяние, овладевшее им после первого письма, даже как-то заинтересовался. Дементоры заставляют человека заново пережить худшие моменты жизни. Что же всплыло в памяти испорченного, избалованного, наглого Дудли?

– А как получилось, что ты упал, сынок? – спросил дядя Вернон неестественно тихо, как говорят у постели тяжелобольного.

– С-спотыкнулся, – дрожащим голосом ответил Дудли. – А потом...

Он показал на свою широкую грудь. Гарри понял. Дудли вспомнился тот жуткий липкий холод, что наполняет душу, когда дементоры высасывают оттуда счастье и надежду.

– Ужасно, – надтреснуто простонал Дудли. – И холодно. Жутко холодно.

– Хорошо, – подчеркнуто спокойно сказал дядя Вернон, а тетя Петуния пощупала сыну лоб, проверяя температуру. – Что же было потом, Дудлик?

– Я чувствовал... чувствовал... как будто бы... как будто бы...

– Как будто бы затосковал навсегда, – бесцветным голосом закончил за него Гарри.

– Да, – прошептал Дудли, не переставая дрожать.

– Итак! – Дядя Вернон выпрямился, и его голос вновь достиг обычной (и весьма значительной) громкости. – Ты наложил на моего сына идиотское заклятие, так что он стал слышать голоса и решил, будто он... обречен на несчастье?

– Сколько раз вам говорить? – взвился Гарри. – Это не я! Это дементоры!

– Де... кто? Это что еще за дрянь такая?

– Де-мен-то-ры, – повторил Гарри по слогам, – двое.

– И кто это такие, дементоры?

– Охранники колдовской тюрьмы, Азкабана, – сказала тетя Петуния.

Две секунды после этого в кухне стояла абсолютная, звенящая тишина; потом тетя Петуния прихлопнула рот ладонью, словно у нее нечаянно вырвалась отвратительная, грубая непристойность. Дядя Вернон в ужасе выкатил на нее глаза. У Гарри в голове все гудело. Миссис Фигг – ладно, но тетя Петуния?..

– Откуда вы знаете? – потрясенно выпалил он.

У тети Петунии был такой вид, словно она противна самой себе. Она бросила на дядю Вернона испуганный, извиняющийся взгляд и чуть опустила руку, приоткрыв лошадиные зубы.

– Я слышала... как тот негодяй... говорил ей... тогда, давно, – не вполне связно объяснила она.

– Если вы имеете в виду моих маму и папу, почему бы не называть их по именам? – с вызовом сказал Гарри, но тетя Петуния не обратила на него внимания. Она до крайности разволновалась.

Гарри тоже был поражен до глубины души. Тетя Петуния никогда не упоминала о сестре – лишь однажды в истерике кричала, что мать Гарри была ненормальной. И вот надо же, столько лет хранит в памяти какие-то обрывочные сведения о колдовском мире – хотя так старается отрицать самое его существование.

Дядя Вернон открыл рот. Потом закрыл. Потом снова открыл, снова закрыл, а затем, с явным трудом припоминая, как люди разговаривают, открыл в третий раз и прокаркал:

– Так... так... они... э-э... и правда... э-э... существуют? Эти... э-э... демей... как их там?

Тетя Петуния кивнула.

Дядя Вернон поочередно обводил глазами всех, точно надеясь, что скоро кто-нибудь закричит: «С первым апреля!» Не дождавшись, он в очередной раз открыл рот, но от необходимости подбирать слова его избавило прибытие третьей за вечер совы. Мохнатым пушечным ядром птица влетела в открытое окно и шумно приземлилась на кухонный стол. Дурслеи так и подскочили от испуга. Гарри выхватил из совиного клюва официальное на вид послание и сразу надорвал конверт, а сова бесшумно вылетела из дома и скрылась в ночи.

– Хватит с нас этих – гадских – сов, – рассеянно пробормотал дядя Вернон, протопал к окну и опять с грохотом его захлопнул.

Уважаемый м-р Поттер!

В дополнение к нашему письму от сего числа сего года, отправленному приблизительно 22 минуты назад, сообщаем, что министерство магии пересмотрело свое решение касательно уничтожения Вашей волшебной палочки. Вы имеете право сохранять ее у себя вплоть до дисциплинарного слушания Вашего дела, которое состоится 12 августа и на котором относительно Вас будет принято окончательное официальное решение.

Также доводим до Вашего сведения, что после беседы с директором школы колдовства и ведьминских искусств «Хогварц» министерство согласилось отложить рассмотрение вопроса о Вашем исключении вплоть до вышеупомянутого слушания. В настоящее время и до поступления дальнейших распоряжений Вы считаетесь отстраненным от занятий.

С наилучшими пожеланиями,

искренне Ваша,

Мафальда Хопкирк

Отдел неправомочного

использования колдовства

Министерство магии

Гарри перечитал письмо три раза подряд. От того, что вопрос об исключении не решен окончательно, ему полегчало, и узел отчаяния в груди чуточку ослаб, но страх тем не менее остался. Теперь все зависело от дисциплинарного слушания двенадцатого августа.

– Ну? – напомнил о своем существовании дядя Вернон. – Что новенького? Посадят тебя или как? Смертная казнь-то у вас вообще бывает? – с воодушевлением добавил он после короткого раздумья.

– Мне назначили слушание, – ответил Гарри.

– И там тебя приговорят?

– Наверное.

– Значит, будем жить надеждой, – съязвил дядя Вернон.

– Ладно, если это все... – сказал Гарри поднимаясь. Ему было просто необходимо побыть одному, подумать и, может быть, написать Рону, Гермионе или Сириусу.

– НЕТ УЖ, ДУДКИ! НИКАКОЕ НЕ ВСЕ! – загремел голос дяди Вернона. – СЯДЬ НАЗАД!

– Что еще? – недовольно спросил Гарри.

– ДУДЛИ, ВОТ ЧТО! – орал дядя Вернон. – Я хочу точно знать, что произошло с моим сыном!

– ОТЛИЧНО! – потеряв терпение, закричал Гарри, и из волшебной палочки посыпались красные и золотые искры. Все трое Дурслеев испуганно съежились. – Мы с Дудли были в проходе между Магнолиевым проездом и Глициниевым переулком. – Стараясь справиться с раздражением, Гарри заговорил очень быстро. – Дудли стал задираться, я достал палочку, но не воспользовался ею. Тут появились два дементора...

– Но кто такие эти... дементы? – гневно перебил его дядя Вернон. – Чем они ЗАНИМАЮТСЯ?

– Я же сказал – высасывают из тебя счастье, – ответил Гарри. – А если могут, запечатлевают Поцелуй.

– Поцелуй? – вытаращил глаза дядя Вернон. – Поцелуй?

– Это так называется. Когда они высасывают душу через рот.

Тетя Петуния тихо вскрикнула.

– Душу? Они же не забрали... нет... у него ведь осталась?..

Она схватила сына за плечи и стала трясти, словно надеясь услышать, как загрохочет внутри его душа.

– Конечно, не забрали – если бы забрали, вы бы сразу поняли, – устало сказал Гарри.

– Значит, ты задал им жару, да, сын? – громко заговорил дядя Вернон, явно стремясь вернуть разговор в понятное ему русло. – Показал, почем фунт лиха, правда?

– Дементорам нельзя показать, почем фунт лиха, – сквозь зубы процедил Гарри.

– А почему же он тогда в полном порядке? – с вызовом спросил дядя Вернон. – Почему из него ничего не выпито? А?

– Потому что я воспользовался заклятием Заступ...

ВУ-УШШШШ. В каминной трубе забились, зашуршали крылья, из очага посыпалась пыль, и вскоре оттуда стремительно вылетела четвертая сова.

– ГОСПОДИ БОЖЕ МИЛОСЕРДНЫЙ! – вскричал дядя Вернон, в негодовании вырывая клочья из своих несчастных усов, чего с ним не случалось уже очень-очень давно. – МНЕ ЗДЕСЬ СОВЫ НЕ НУЖНЫ! Я ЗДЕСЬ ЭТОГО НЕ ПОТЕРПЛЮ! ЯСНО?!

Но Гарри уже снимал с протянутой лапки пергаментный свиток. Он был совершенно уверен, что письмо от Думбльдора и теперь наконец-то все разъяснится – и дементоры, и миссис Фигг, и что затевается в министерстве, и как Думбльдор собирается все уладить, – и впервые в жизни испытал разочарование, увидев почерк Сириуса. Не слушая завываний дяди Вернона и сильно прищурившись от пыли – сова только что отбыла обратно через трубу, – Гарри прочитал Сириусову записку.

Артур рассказал мне, что случилось. Ни в коем случае не выходи из дома. Ни в коем случае.

Это показалось Гарри настолько неадекватным ответом на все случившееся нынешним вечером, что он перевернул свиток, рассчитывая найти продолжение. Но продолжения не было.

Его снова охватил гнев. Кто-нибудь вообще собирается сказать ему «молодец»? Как-никак, он один победил двух дементоров! А что Сириус, что мистер Уизли, оба ведут себя так, будто он нашалил, а они просто не хотят его ругать, пока еще не ясно, насколько все плохо.

– ...засовали твои долбы... то есть, тьфу, задолбали твои совы! Туда-сюда, туда-сюда! Проходной двор! Я тебя предупреждаю, парень, я этого не потер...

– Ничего не могу поделать, – огрызнулся Гарри и смял письмо Сириуса в кулаке.

– Я хочу знать правду! Что сегодня случилось? – прогавкал дядя Вернон. – Если на Дудли напали дурмендуры, почему тогда исключают тебя? Говори, ты делал сам-знаешь-что? Делал? Сам же признался!

Гарри глубоко вдохнул, чтобы успокоиться. У него опять заболела голова. Больше всего на свете хотелось оказаться где-нибудь далеко-далеко отсюда, от этой кухни и от Дурслеев.

– Мне пришлось применить заклятие Заступника, чтобы отогнать дементоров, – сказал он, усилием воли сохраняя спокойствие. – Против них нет больше средств.

– Но что понадобилось этим демендурам у нас в Литтл Уинджинге?! – возмущенно закричал дядя Вернон.

– Не могу вам сказать, – утомленно проговорил Гарри. – Не имею представления.

Голова раскалывалась от ламп дневного света. Злость отступала. Он выдохся, силы исчерпаны. Дурслеи продолжали сверлить его взглядами.

– Это все из-за тебя, – с напором произнес дядя Вернон. – Это как-то связано с тобой, парень, я точно знаю. С чего бы еще им здесь появляться? Что они забыли в том переулке? Ты же единственный... единственный... – Очевидно, он не мог себя заставить выговорить слово «колдун». – Единственный сам-понимаешь-кто на всю округу.

– Я не знаю, зачем они здесь оказались.

Но слова дяди Вернона что-то стронули в усталом мозгу, и тот заработал с новой силой. Действительно, почему дементоры оказались в Литтл Уинджинге, там же, где и Гарри? Неужто случайно? Кто их послал? Они вышли из-под контроля министерства магии? Покинули Азкабан и встали на сторону Вольдеморта, как предсказывал Думбльдор?

– Так эти дерьмендеры охраняют вашу дурацкую тюрьму? – спросил дядя Вернон, словно бы следуя по пятам за раздумьями Гарри.

– Да.

Если бы только перестала болеть голова! Если бы он мог пойти к себе, в темную спальню, и подумать!..

– О-хо! Так они пришли тебя арестовать! – Дядя Вернон восторжествовал, точно разрешил неразрешимую загадку. – Так ведь, парень? Значит, ты у нас бегаешь от закона!

– Разумеется, нет. – Гарри потряс головой, точно отпугивая надоедливую муху. Мысли так и роились у него в голове.

– Тогда зачем?..

– Это он их послал, – очень тихо сказал Гарри скорее себе, чем дяде Вернону.

– Что? Кто – он?

– Лорд Вольдеморт, – пояснил Гарри.

Краем сознания он отметил, как это чудно, что Дурслеи, которые корчились и вскрикивали, стоило произнести при них слова «колдун», «магия» или «волшебная палочка», даже не шелохнулись, услышав имя самого могущественного злого колдуна всех времен и народов.

– Лорд... погоди-ка. – Дядя Вернон скривился, и в его свиных глазках проступило понимание. – Я это где-то слышал... это не тот, который...

– Убил моих родителей, да, – подтвердил Гарри.

– Но он же исчез, – нетерпеливо возразил дядя Вернон, не смущаясь поминать болезненную тему гибели родителей. – Так сказал тот громила. Что он исчез.

– Он вернулся, – мрачно проговорил Гарри.

Это было очень странно – стоять на стерильной, как операционная, кухне тети Петунии между холодильником последней модели и широкоформатным телевизором и преспокойно беседовать о лорде Волдеморте с дядей Верноном. Появление дементоров в Литтл Уинджинге, казалось, разрушило ту огромную невидимую стену, что надежно отделяла непреклонно нормальный мир Бирючинной улицы от всего остального мира. Две параллельные жизни Гарри слились воедино, и все перевернулось с ног на голову: Дурслеи расспрашивают его о колдовских делах, миссис Фигг знакома с Думбльдором, над Литтл Уинджингом кружат дементоры, а над Гарри висит угроза никогда больше не увидеть «Хогварц». Голова заболела вдвое сильнее.

– Вернулся? – прошептала тетя Петуния.

Она смотрела на Гарри так, как никогда не смотрела прежде. И впервые за всю свою жизнь Гарри вдруг отчетливо понял, что тетя Петуния – сестра его матери. Он не смог бы объяснить, отчего это стало так ясно именно теперь. Он лишь понимал, что среди тех, кто находится сейчас в кухне, не он один осознает весь ужас случившегося. Никогда раньше тетя Петуния не глядела на него такими глазами – большими, серыми, столь непохожими на глаза сестры: сейчас они не щурились от злости или отвращения, а широко распахнулись в испуге. Казалось, она вдруг отбросила притворство и перестала упрямо делать вид, будто ни колдовства, ни какого-либо иного мира помимо того, где живут они с дядей Верноном, не существует, – а ведь так было всегда, сколько Гарри себя помнил.

– Да, – Гарри посмотрел ей прямо в глаза. – Месяц назад. Я сам видел.

Ее пальцы стиснули мощное, затянутое в кожу плечо сына.

– Минуточку, – вмешался дядя Вернон, переводя взгляд с жены на Гарри и обратно. Он был явно озадачен и даже смущен внезапно возникшим между ними беспрецедентным взаимопониманием. – Минуточку. Так ты говоришь, этот самый

Вольде... как его там... вернулся.

– Да.

– Тот, кто убил твоих родителей.

– Да.

– И теперь он послал за тобой двусмерторов?

– Похоже на то, – сказал Гарри.

– Понятно, – проговорил дядя Вернон, снова переводя взгляд с совершенно побелевшей жены на Гарри и подтягивая брюки. Он сам и особенно его багровое лицо раздувались прямо на глазах. – Что ж, тогда решено, – объявил он, и рубашка слегка разошлась у него на груди, – можешь выметаться вон из моего дома, парень!

– Чего? – удивился Гарри.

– Того! Выметайся! ВОН! – Дядя Вернон заорал так, что даже тетя Петуния и Дудли вздрогнули. – ВОН! ВОН! Давно бы пора! Эти совы – устроили тут, понимаешь, ночлежку! Взрывающиеся пудинги, сломанные стены! Хвост Дудли! Мардж под потолком! Летающий «форд»!.. ВОН! ВОН! Хватит с меня! Слышать о тебе не хочу больше! Раз за тобой гоняется какой-то маньяк, тебе здесь не место! Я должен защитить жену и сына! Мне твои неприятности не нужны! Раз ты пошел по той же дорожке, что и твои родители, – пожалуйста! Только я тут ни при чем! ВОН!

Гарри застыл как громом пораженный. В руке он по-прежнему держал скомканные письма из министерства, от мистера Уизли и от Сириуса. Ни в коем случае не выходи из дома. Ни в коем случае.

НИКУДА НЕ УХОДИ ИЗ ДОМА.

– Ты меня слышал! – кричал дядя Вернон. Он на-двинулся на племянника багровым лицом, и до Гарри долетали брызги слюны. – Мотай отсюда! Пол-часа

назад ты и сам мечтал уйти! Так вот я – за! Проваливай! И прошу больше никогда не пачкать мой порог! Не знаю, зачем мы тебя вообще взяли, Мардж права, надо было отослать тебя в приют! А мы своей добротой сами себе все испортили, ду-мали, сможем это из тебя выбить, сделать из тебя человека, только уж если кто родился с гнильцой, ничего не попишешь, и теперь с меня хва... Что?! Совы?!

Сова с такой скоростью просвистела по трубе, что сначала ударилась об пол и лишь потом с недовольным криком взвилась в воздух. Гарри поднял руку, чтобы выхватить у нее письмо в красном конверте, но сова пролетела над его головой к тете Петунии. Та взвизгнула и пригнулась, закрыв лицо локтями. Сова сбросила конверт ей на голову, развернулась и вылетела обратно в трубу.

Гарри бросился к письму, но тетя Петуния его опередила.

– Можете открыть, если хотите, – сказал Гарри, – но я все равно услышу, о чем оно. Это вопиллер.

– Брось его, Петуния! – взревел дядя Вернон. – Не прикасайся! Это опасно!

– Но оно адресовано мне, – прохныкала тетя Петуния. – Мне, Вернон, взгляни! Миссис Петуния Дурслей, кухня, дом № 4, Бирючинная улица...

Тут у нее перехватило дыхание от испуга. Красный конверт задымился.

– Открывайте скорей! – понуждал ее Гарри. – Покончите разом! Это же все равно случится.

– Ни за что!

Ее рука дрожала. Она дико озиралась, словно в поисках выхода, но было слишком поздно – конверт загорелся. Тетя Петуния закричала и уронила его на стол.

Из языков пламени зазвучал страшный громопо-добный голос, который, эхом отдаваясь в замкнутом пространстве, заполнил собой всю кухню:

– Петуния, вспомни мое последнее!..

Тетя Петуния была близка к обмороку. Ноги ее подкосились, она опустилась на стул рядом с Дудли и спрятала лицо в ладонях. Остатки конверта беззвучно догорели и превратились в пепел.

– Что это было? – Дядя Вернон охрип от волнения. – Что... я не понимаю... Петуния?

Та молчала. Дудли смотрел на мать, тупо разинув рот. Страшное молчание ширилось. Гарри в полном изумлении следил за тетей; голова буквально разрывалась от боли.

– Петуния, дорогая? – робко позвал дядя Вернон. – П-петуния?

Тетя подняла голову. Ее била дрожь. Она сглотнула.

– Мальчишка... мальчишка должен остаться, Вернон, – пролепетала она.

– Ч-что?!

– Он останется, – повторила тетя Петуния, не глядя на Гарри. И снова встала.

– Он... но, Петуния...

– Что скажут соседи, если мы выбросим его на улицу? – Несмотря на чрезвычайную бледность, к тете Петунии быстро вернулся обычный решительный тон. – Начнут задавать вопросы, захотят знать, куда мы его отправили. Придется его оставить.

Дядя Вернон сдулся, как лопнувшая крышка.

– Но, Петуния, дорогая...

Тетя Петуния не дослушала и повернулась к Гарри.

– Будешь сидеть в своей комнате, – велела она. – Из дома не выходить. А сейчас – спать.

Гарри не пошевелился.

– Кто прислал вопиллер?

– Не задавай дурацких вопросов, – отрезала тетя Петунья.

– Вы что, переписываетесь с колдунами?

– Я сказала, спать!

– Что это значит? Вспомни мое последнее – что?

– Немедленно спать!

– Откуда?..

– ТЫ СЛЫШАЛ, ЧТО СКАЗАЛА ТЕТЯ! НЕМЕДЛЕННО СПАТЬ!

Глава третья

Авангард

«На меня напали дементоры, и меня могут исключить из школы. Я хочу знать, что происходит и когда я отсюда выберусь».

Едва оказавшись у письменного стола в темной спальне, Гарри трижды написал эти слова на трех отдельных листах пергамента. Первое письмо он адресовал Сириусу, второе Рону, а третье Гермионе. Сова Гарри, Хедвига, улетела на охоту; ее пустая клетка стояла на столе. В ожидании ее возвращения Гарри мерил шагами комнату. Голова пульсировала от боли, и в ней теснилось столько мыслей, что заснуть вряд ли бы удалось, хотя от усталости болели и чесались

глаза. Оттого, что ему пришлось тащить на себе Дудли, ужасно ныла спина и жутко саднили шишки на голове.

Охваченный злостью и досадой, Гарри шагал туда-сюда, сжимал зубы и кулаки и, проходя мимо окна, всякий раз сердито косился на усыпанное звездами небо. На него наслали дементоров, за ним тайно следили Мундугнус и миссис Фигг, его отстранили от занятий в «Хогварце», его ждет дисциплинарное слушание – а никто из друзей так и не потрудился объяснить, в чем дело.

И что, что сказал этот непонятный вопиллер? Чей голос таким грозным, таким страшным эхом разносился по кухне?

Почему Гарри должен сидеть здесь, как в клетке, не зная абсолютно ничего? Почему с ним обращаются как с непослушным младенцем? Ни в коем случае не колдуй, никуда не уходи из дома...

Гарри мимоходом пнул сундук со школьными вещами, но от злости не избавился, наоборот, стало еще хуже: к страданиям и без того измученного тела прибавилась острая боль в большом пальце.

И тут, как раз когда он доковылял до окна, с улицы, тихо шурша крыльями, влетела Хедвига, похожая на маленькое привидение.

– Наконец-то! – проворчал Гарри. – Можешь это положить, у меня для тебя работа.

Большие, круглые, янтарные глаза обиженно посмотрели на него поверх зажатой в клюведохлой лягушки.

– На-ка, – сказал Гарри, взял со стола три свитка и кожаный ремешок и привязал послания к шершавой совиной ноге. – Быстренько отнеси это Сириусу, Рону и Гермионе и не возвращайся без нормальных длинных ответов. Если понадобится, долби их, пока не напишут приличных писем. Поняла?

Хедвига, все еще с лягушкой в клюве, невнятно ухнула.

– Тогда отправляйся, – приказал Гарри.

Сова сразу же снялась с места. Как только она скрылась из виду, Гарри, не раздеваясь, бросился на кровать и устался в потолок. В добавление к прочим горестям его теперь грыз стыд – он грубо обошелся с Хедвигой, а ведь здесь, на Бирючинной улице, она у него – единственный друг. Ладно, он еще загладит свою вину, когда Хедвига вернется.

Сириус, Рон и Гермиона просто обязаны ответить быстро – не могут же они проигнорировать известие о нападении дементоров. Завтра, когда он проснется, его будут ждать три толстых сочувственных письма с планами его немедленной эвакуации в «Гнездо»... На этой утешительной мысли Гарри сморил сон, заглушивший все, что его тревожило.

Но на следующее утро Хедвига не вернулась. Гарри безвылазно сидел у себя в комнате, выходя только в ванную. Трижды в день тетя Петуния просовывала еду в маленькое окошко в двери, прорезанное дядей Верноном три года назад. Гарри всякий раз пытался расспросить ее о вопиллере, но с тем же успехом можно было допрашивать дверную ручку. А вообще Дурслеи не подходили к его комнате. Гарри не видел смысла навязывать им свою компанию; этим ничего не добьешься, кроме разве что очередного скандала, а тогда он может потерять терпение и опять начать колдовать.

Так оно и тянулось три долгих дня. Гарри то переполняло беспокойство, и он не мог ничем заниматься, а лишь ходил взад-вперед по комнате, злясь на друзей, бросивших его на произвол судьбы, то охватывала апатия, настолько всепоглощающая, что он часами лежал на кровати, уставившись в пространство и с ужасом думая о предстоящем слушании в министерстве.

А если его признают виновным? И исключат из школы? Сломают пополам его палочку? Что тогда делать, куда податься? Теперь, когда он знает о существовании другого мира, своего мира, ему не выжить на Бирючинной улице. Можно ли будет поселиться в доме Сириуса, как тот и предлагал год назад, еще до своего побега? Позволят ли Гарри жить там одному, ведь он несовершеннолетний? Или это решат за него? А вдруг он так серьезно нарушил Международный закон о секретности, что его приговорят к сроку в Азкабане? При этой мысли Гарри неизменно соскальзывал с кровати и снова начинал ходить по комнате.

На четвертую ночь после того, как улетела Хедвига, Гарри, пребывавший в стадии апатии и не способный ни о чем думать, лежал и смотрел в потолок.

Неожиданно в комнату вошел дядя. Гарри медленно перевел на него взгляд. Дядя Вернон был одет в парадный костюм и выглядел чрезвычайно представительно.

– Мы уходим, – сообщил он.

– Что?

– Мы – а именно мы с твоей тетей и Дудли – уходим.

– Отлично, – равнодушно сказал Гарри и снова уставился в потолок.

– Пока нас нет, тебе запрещается покидать комнату.

– Ладно.

– Запрещается трогать телевизор, стереосистему и вообще наши вещи.

– Слушаюсь.

– И запрещается таскать еду из холодильника.

– Угу.

– Я запру дверь в твою комнату.

– Как хотите.

Дядя Вернон, явно обескураженный отсутствием возражений, вперил в племянника подозрительный взгляд, но не нашел, что сказать, и, топая, как бегемот, вышел из комнаты и закрыл за собой дверь. Гарри услышал, как поворачивается в замке ключ и как дядя Вернон тяжело спускается по лестнице. Через несколько минут во дворе хлопнули дверцы, раздался шум двигателя и шорох шин отъезжающей машины.

Отъезд Дурслеев на Гарри и впрямь не произвел впечатления. Какая ему разница, дома они или нет. У него нет даже сил встать и включить свет в комнате. Быстро сгущались сумерки, а он все валялся на кровати, слушая ночные звуки из окна, постоянно открытого в ожидании счастливого момента возвращения Хедвиги.

Пустой дом тоже издавал звуки. Ворчали трубы. Гарри лежал в ступоре, без мыслей, без движения, несчастный.

И вдруг с кухни очень отчетливо донесся грохот.

Гарри молниеносно сел и внимательно прислушался. Это не Дурслеи – слишком рано, да и потом он бы услышал машину.

Несколько секунд было тихо, затем раздались голоса.

Воры, – подумал Гарри, соскальзывая с кровати, но затем до него дошло, что воры не стали бы так громко разговаривать, а тот, кто ходил сейчас по кухне, явно не трудился понижать голос.

Гарри схватил с тумбочки волшебную палочку и встал лицом к двери, изо всех сил напрягая слух. И сразу же отпрянул – замок громко щелкнул, и дверь распахнулась.

Гарри замер, глядя сквозь дверной проем на неосвещенную лестничную площадку, и старался уловить хоть что-то, но теперь вокруг было совершенно тихо. Он колебался мгновение, а затем быстро и бесшумно вышел за порог.

Сердце билось уже не в груди, а в горле. Внизу, в темноте холла, стояли какие-то люди, подсвеченные тусклым уличным светом, который лился сквозь стекло входной двери. Пришельцев было восемь или девять, и все они, кажется, смотрели прямо на Гарри.

– Убери-ка палочку, паренек, пока никому глаз не выколол, – проговорил низкий рокочущий бас.

Сердце Гарри заскакало в бешеном галопе. Он узнал этот голос, но палочку по-прежнему держал на изготовку.

– Профессор Хмури? – неуверенно сказал он.

– Не знаю, как насчет «профессор», – пророкотал бас, – до преподавания, сам знаешь, дело не дошло. Давай-ка вниз, мы хотим нормально тебя разглядеть.

Гарри чуть опустил палочку, но хватки не ослабил и с места не двинулся. Для подозрительности у него были все основания. Не так давно он целых десять месяцев общался якобы с Шизоглазом Хмури, но потом оказалось, что это никакой не Хмури, а самозванец, который в довершение ко всему перед разоблачением попытался его убить. Гарри еще не решил, как действовать дальше, а снизу послышался другой, хрипловатый голос:

– Все в порядке, Гарри. Мы за тобой.

У Гарри прямо дух захватило. Этот голос он тоже узнал, хотя не слышал его уже больше года.

– П-профессор Люпин?! – не веря сам себе, тихо воскликнул он. – Это вы?

– А чего мы в темноте-то? – сказал третий голос, на этот раз совершенно незнакомый, женский. – Люмос.

Зажегся кончик чьей-то палочки и осветил холл волшебным светом. Гарри заморгал. Люди сгрудились у подножия лестницы и пристально смотрели на Гарри – некоторые, чтобы лучше видеть, вытягивали шеи.

Рем Люпин стоял ближе всех. Совсем нестарый, он выглядел усталым и больным; за то время, что Гарри его не видел, у Люпина прибавилось седых волос, как и заплаток на порядком поизносившейся мантии. Тем не менее Люпин широко улыбался, и Гарри, хотя все еще не мог оправиться от шока, постарался ответить тем же.

– Точь-в-точь такой, как я думала, – сказала ведьма со светящейся палочкой, самая молодая из всех. У нее было бледное лицо-сердечко и короткие ярко-

фиолетовые волосы торчком. – Приветик, Гарри!

– Да, теперь я понимаю, что ты имел в виду, Рем, – звучно и неторопливо проговорил стоявший дальше всех лысый чернокожий колдун с золотым кольцом в ухе. – Ну просто копия Джеймс.

– Нет, глаза, – одышливо возразил из заднего ряда колдун с серебряными волосами. – Глаза Лили.

Седой, длинноволосый Шизоглаз Хмури, у которого в носу не доставало большого куска, подозрительно сощурившись, рассматривал Гарри своими разными глазами. Один его глаз напоминал маленькую черную бусину, а второй был большой, круглый и отчаянно-голубой – волшебный. Он видел сквозь стены, закрытые двери и даже сквозь затылок Шизоглаза.

– Люпин, а ты вполне уверен, что это он? – пророкотал Хмури. – А то хороши мы будем, если вместо Гарри притащим Упивающегося Смертью. Давайте спросим о чем-нибудь, что известно только Поттеру. А может, у кого с собой признавалиум?

– Гарри, какой облик принимает твой Заступник? – спросил Люпин.

– Оленя, – волнуясь, ответил Гарри.

– Порядок, Шизоглаз, это он, – сказал Люпин.

Гарри, остро ощущая, что все взгляды направлены на него, спустился с лестницы, на ходу засовывая палочку в задний карман джинсов.

– Сдурел, парень?! – взревел Хмури. – Куда пихаешь? А если сработает? И поумней тебя колдуны без задницы оставались!

– Это кто остался без задницы? – тут же заинтересовалась фиолетововолосая ведьма.

– Не твоего ума дело, – проворчал Хмури. – Главное, держать палочку подальше от задних карманов, ясно? Элементарная техника магобезопасности, только

всем почему-то плевать. – Он затопал к кухне. – И я все вижу, – с раздражением добавил он, когда молодая ведьма закатила глаза к потолку.

Люпин поздоровался с Гарри за руку.

– Ну, ты как? – спросил он, внимательно глядя ему в лицо.

– Н-нормально...

Гарри не верил своим глазам. Месяц – ничего, ни намек на то, что его заберут с Бирючинной, и вдруг пожалуйста – целая делегация колдунов, как будто так и надо. Он обвел взглядом тех, кто стоял рядом с Люпином. Все по-прежнему с живейшим интересом смотрели на него. Гарри вдруг очень явственно осознал, что уже четыре дня не причесывался.

– Я... Вам очень повезло – Дурслеи как раз уехали, – пробормотал он.

– Повезло! Ха! – воскликнула фиолетововолосая девушка. – Это я их выманила. Послала по мугловой почте письмо, что они вошли в список финалистов всебританского конкурса «Самый ухоженный газон». Так что сейчас они едут получать приз... то есть они так думают.

Гарри на миг представил себе лицо дяди Вернона, когда тот поймет, что никакого всебританского конкурса газонов не было и в помине.

– Так мы что, уезжаем? – спросил он. – Скоро?

– Почти сразу, – ответил Люпин, – вот только дождемся отмашки.

– А куда? В «Гнездо»? – с надеждой спросил Гарри.

– Нет, не в «Гнездо», – сказал Люпин и поманил его в кухню; за ними тесной группкой последовали остальные. – Слишком рискованно. Мы устроили штаб-квартиру в необнаружимом месте. На это ушло время...

Шизоглаз Хмури уже сидел за кухонным столом, прихлебывая из фляжки. Его волшебный глаз вертелся, озирая приспособления по облегчению домашнего

труда, имевшиеся у Дурслеев в огромном количестве.

– Гарри, познакомься, это Аластор Хмури, – сказал Люпин.

– Да, я знаю, – неловко ответил Гарри. Как-то странно, когда тебя представляют человеку, с которым вы вроде были знакомы уже год.

– А это Нимфадора...

– Ты что, Рем, какая Нимфадора, – содрогнулась молодая ведьма, – я – Бомс.

– Нимфадора Бомс, предпочитающая, чтобы ее звали только по фамилии, – закончил Люпин.

– Ты бы тоже предпочитал, если бы дура-мамочка назвала тебя Нимфадорой, – проворчала Бомс.

– А это Кингсли Кандаьер. – Люпин указал на высокого чернокожего колдуна. Тот поклонился. – Эльфиас Дож. – Одышливый колдун кивнул Гарри. – Дедал Диггл...

– Мы уже знакомы, – по обыкновению, восторженно пискнул Диггл, роняя фиолетовую шляпу.

– Эммелина Ванс. – Статная ведьма в изумрудно-зеленой шали величественно наклонила голову. – Стурджис Подмор. – Колдун с квадратной челюстью и густыми соломенными волосами весело подмигнул. – И Гестия Джонс. – Розовощекая брюнетка помахала от тостера.

В процессе представления Гарри смущенно кивал каждому и хотел лишь одного – чтобы они перестали наконец на него пялиться и посмотрели куда-нибудь еще, а то он чувствовал себя как на сцене. Но, интересно, зачем их так много?

– Поразительно, сколько людей вызвалось за тобой поехать, – словно прочитав его мысли, сказал Люпин, и уголки его рта чуть изогнулись.

– А что, чем больше, тем лучше, – мрачно буркнул Хмури. – Мы – твоя охрана, Поттер.

– Мы ждем только сигнала, что путь свободен. – Люпин бросил быстрый взгляд в окно. – Осталось минут пятнадцать.

– Какие они чистюли, эти муглы, скажите? – Ведьма по имени Бомс с огромным любопытством осматривала кухню. – Мой папочка тоже муглорожденный, но вот уж кто неряха из нерях! Впрочем, они же, наверное, все разные, как и мы, колдуны, да?

– Э-э... да, – подтвердил Гарри. – Слушайте, – повернулся он к Люпину, – что происходит, я ничего не знаю, мне никто не пишет, что там Вольде...

Кое-кто зашикал; Дедал Диггл опять уронил шляпу, а Хмури цыкнул:

– Тише ты!

– А что? – не понял Гарри.

– Здесь мы ничего обсуждать не будем, слишком рискованно, – заявил Хмури, устремляя на него нормальный глаз. Волшебный был по-прежнему нацелен на потолок. – Горгулья тебя побери, – ругнулся он, прикладывая руку к волшебному глазу, – все время застревает – с тех пор как его носил этот ублюдок...

И с отвратительным хлопом – будто из полной ванны вынули затычку – вытащил глаз из орбиты.

– Шизоглаз, ты в курсе, что меня сейчас стошнит? – как бы между прочим спросила Бомс.

– Гарри, не подашь стакан воды? – попросил Хмури.

Гарри достал чистый стакан из посудомоечной машины, налил воды из-под крана – и все под пристальным наблюдением команды колдунов. Это уже раздражало.

– Благодарствую, – сказал Хмури, получив стакан. Он бросил волшебный глаз в воду и поболтал; глаз вращался, внимательно глядя на каждого по очереди. – На обратной дороге мне нужны все триста шестьдесят градусов видимости.

– А как мы доберемся до... ну, до места? – спросил Гарри.

– На метлах, – ответил Люпин. – Другого способа нет. Ты еще маленький, чтобы аппарировать, кружанные пути просматриваются, а если мы незаконно создадим портшлюс, нам вообще крышка.

– Рем говорит, ты классно летаешь, – низко и звучно сказал Кингсли Кандальер.

– Просто отлично, – подтвердил Люпин, поглядев на часы. – Ладно, так или иначе, тебе, Гарри, надо собираться. Когда дадут сигнал, мы должны быть готовы.

– Я помогу, – с энтузиазмом сказала Бомс.

Вслед за Гарри она через холл направилась к лестнице, с любопытством вертя головой.

– Странное место, – заметила она. – Чересчур чистое, если ты меня понимаешь. Неестественно как-то. О, а тут уже лучше, – добавила она, как только Гарри включил свет в своей комнате.

Да уж, весь остальной дом был гораздо опрятнее. Гарри провел у себя четыре дня в крайне дурном расположении духа и совершенно не горел желанием прибираться. Книги валялись на полу – чтобы отвлечься, Гарри хватал их одну за другой, а потом бросал где попало; клетку Хедвиги давно следовало почистить, а то она уже пахла; из раскрытого сундука свешивалась беспорядочно перемешанная мугловая и колдовская одежда.

Гарри принялся суетливо подбирать книги и швырять их в сундук. Бомс задержалась у открытого шкафа и критически оглядела себя в зеркало на дверце.

– Знаешь, фиолетовый все-таки не мой цвет, – задумчиво протянула она, оттягивая торчащую прядку. – Я из-за него какая-то изможденная, нет?

– Эмм, – сказал Гарри, глянув на нее поверх «Квидишных команд Британии и Ирландии».

– Нет, точно не мой, – решила Бомс. Она напряженно сощурилась, словно пытаясь что-то вспомнить. Через секунду ее волосы стали ярко-розовые, как жевательная резинка, и Бомс снова открыла глаза.

– Как вы это сделали? – уставился на нее Гарри.

– А я метаморфомаг, – объяснила Бомс, поворачиваясь так и этак перед зеркалом. – Могу менять внешность по собственному желанию, – добавила она, заметив в зеркале недоуменное лицо Гарри. – Я такая родилась. Когда училась на аврора, у меня всегда были высшие баллы по сокрытию и маскировке, а я совершенно не занималась! Здорово было.

– Вы – аврор? – сказал Гарри, сильно впечатленный. Агент по борьбе с черными магами... Вот чем, пожалуй, он и сам хотел бы заниматься.

– Ага, – гордо ответила Бомс. – Кингсли тоже, только он главнее меня. Я всего год как получила квалификацию. Представляешь, чуть не провалила слежку и слияние с обстановкой. Я жутко неуклюжая – слышал, я тарелку разбила, когда мы прибыли?

– А выучиться на метаморфомага можно? – спросил Гарри, напрочь забыв, что нужно собираться.

Бомс хихикнула:

– Что, шрам надоел, да? Иногда не прочь от него избавиться?

Ее глаза остановились на молниеобразном шраме на лбу Гарри.

– Да уж, – пробормотал он, отворачиваясь. Он не любил, когда смотрели на его шрам.

– Ну, если и можно, то, боюсь, очень сложно, – сказала Бомс. – Метаморфомаги – большая редкость, и ими не становятся, ими рождаются. Большинство колдунов меняет внешность с помощью палочек или зелья. Ой, Гарри, что же мы стоим, надо же сундук складывать! – виновато заторопилась она, оглядывая разбросанные по полу вещи.

– Ах да, – спохватился и Гарри, подбирая еще несколько книжек.

– Только давай-ка без глупостей, будет гораздо быстрее, если я... упак!.. – крикнула Бомс, длинным взмахом палочки охватывая всю комнату.

Одежда, книги, телескоп, весы – все взлетело в воздух и кучей ухнуло в сундук.

– Не слишком аккуратно, но... – сказала Бомс, заглядывая внутрь. – Это у меня мама умеет так упаковывать, что все на своих местах – даже носки попарно свернуты, – а я что-то никак не усвою, как она это делает... Как-то так раз – и... – Она с надеждой махнула палочкой.

Один носок, лежавший поверх всего остального, слабо вздернулся и упал обратно.

– Ну и не надо. – Бомс захлопнула крышку сундука. – Зато все собрали. Кстати, тут неплохо бы прибраться. – Она ткнула палочкой в сторону клетки. – Заблестай! – Перья и помет исчезли. – Что ж, стало чуточку лучше... с домохозяйственными заклинаниями у меня не очень-то... Ну что... Ничего не забыли? Котел? Метлу? Ух ты!.. «Всполох»?

Ее глаза расширились, едва Гарри подхватил метлу – суперсовременную, подарок Сириуса, главную свою радость и гордость.

– А я-то все на «Комете-260» колупаюсь, – с завистью сказала Бомс. – Ну да ладно... Палка в кармане? Попа на месте? Обе половинки? Отлично... поехали. Локомотор сундук.

Сундук воспарил над полом, и Бомс, дирижируя палочкой, вывела его перед собой из комнаты, в левой руке держа клетку. Они спустились по лестнице, Гарри нес метлу.

Хмури на кухне уже вставил волшебный глаз на место. После чистки тот вращался с такой скоростью, что при одном взгляде на него Гарри сразу замутило. Кингсли Кандальер и Стурджис Подмор с интересом изучали микроволновку, а Гестия Джонс умирала со смеху над картофелечисткой, найденной в ящике. Люпин заклеивал конверт, адресованный Дурслеям.

– Отлично, – сказал он, поднимая голову навстречу вошедшим Гарри и Бомс. – Кажется, у нас еще есть минутка. Все готовы, так что, наверное, лучше выйти в сад. Гарри, я тут написал письмо твоим родственникам, чтоб они не беспокоились...

– Они не будут, – перебил Гарри.

– ...что с тобой все в порядке...

– А вот это их огорчит.

– ...и что они снова увидят тебя следующим летом.

– Это обязательно?

Люпин улыбнулся, но не ответил.

– Иди-ка сюда, паренек, – хрипло приказал Хмури, подзывая к себе Гарри взмахом палочки. – Я должен тебя прозрачаровать.

– Что? Разочаровать? – занервничал Гарри.

– Наложить прозрачаровальное заклятие, – объяснил Хмури, поднимая палочку. – Люпин говорит, у тебя есть плащ-невидимка, но в полете он будет развеиваться, заклятие – оно понадежнее... Вот так...

Он крепко стукнул Гарри по макушке; это было странно – как будто Хмури разбил там яйцо; от макушки по телу побежали холодные струйки.

– Класс, – одобрила Бомс, глядя Гарри в пупок.

Гарри посмотрел вниз, на свое тело – точнее, на то, что было его телом минуту назад. Теперь оно стало не то чтобы невидимым, нет – оно приняло цвет и фактуру ближайшего кухонного шкафчика. Гарри превратился в человека-хамелеона.

– Пошли, – приказал Хмури, отпирая заднюю дверь волшебной палочкой.

Компания вышла наружу, на идеально ухоженный газон дяди Вернона.

– Ясная ночь, – заворчал Хмури, сканируя небо волшебным глазом. – Не помешало бы побольше облаков для прикрытия. Так, слушай сюда, – рявкнул он Гарри, – порядок следования такой. Бомс впереди тебя, держись у нее на хвосте. Люпин прикрывает снизу. Я – сзади. Остальные будут кружить около нас. Диспозицию не нарушать ни при каких обстоятельствах. Если кого-то убьют...

– А что, могут? – испугался Гарри, но Хмури его будто бы и не услышал.

– ...остальные продолжают лететь как ни в чем не бывало, не останавливаясь, соблюдая боевой порядок. Если убьют всех, а ты, Гарри, останешься жив, в дело вступит аррьергард. Двигай на восток, они тебя нагонят.

– Что-то ты больно весел, Хмури, смотри, как бы Гарри не подумал, что мы на пикничок собрались, – вмешалась Бомс, грузившая сундук и клетку Хедвиги в сетку, привязанную к ее метле.

– Я просто объясняю ему план действий, – рыкнул Хмури. – Перед нами поставлена задача доставить его в штаб, и если мы погибнем во время операции...

– Ничего мы не погибнем, – успокоил Кингсли Кандадьер своим звучным голосом.

– Первый сигнал! Седлайте метлы! – крикнул Люпин, показывая на небо.

Высоко-высоко, среди звезд, забил фонтан красных искр. Такие искры Гарри хорошо знал – их можно высечь лишь волшебной палочкой. Он перекинул правую ногу через древко «Всполоха», крепко ухватился за него и почувствовал, что метла легонько завибрировала, словно от нетерпения.

– Второй сигнал! Взлетаем! – громко сказал Люпин, когда в небе появился новый сноп искр, на этот раз зеленых.

Гарри с силой оттолкнулся от земли, и прохладный ночной ветерок тотчас взъерошил ему волосы. Аккуратные прямоугольники садов Бирючинной улицы становились все меньше, меньше и скоро превратились в одно большое черно-зеленое лоскутное одеяло. Все страхи по поводу дисциплинарного слушания исчезли, словно их выдуло из головы мощным воздушным потоком. Сердце разрывалось от наслаждения; Гарри снова был в воздухе, он улетал прочь с ненавистой Бирючинной улицы, о чем так мечтал все лето, он летел домой... На несколько мгновений счастья все его горести съежились до размеров песчинок, ничтожных по сравнению с этим великолепным, необъятным ночным небом.

– Забирай влево, круто влево, а то там мугл смотрит! – раздался за его спиной вопль Хмури. Бомс повернула, Гарри повторил за ней, глядя на сундук, бешено мотающийся у нее на хвосте. – Надо выше... хотя бы на четверть мили!

После подъема стало гораздо холоднее, у Гарри даже заслезились глаза; внизу ничего не было видно, кроме светящихся булавочных головок – должно быть, это фары и фонари. Может, где-то там едут в опустевший дом и Дурслеи – в бешенстве из-за несостоявшегося и никогда не проводившегося конкурса... При мысли об этом Гарри громко расхохотался, но его смеха никто не услышал: очень уж громко хлопали на ветру мантии, скрипела сеть с сундуком и клеткой и свистел ветер в ушах. Как давно он не бывал таким счастливым, таким живым!

– Забирай на юг! – крикнул Хмури. – Впереди город!

Они свернули направо, чтобы обогнуть мерцающую огоньками паутину.

– На юго-восток и повыше, вон там низкие облака, в них и спрячемся! – кричал Хмури.

– Не полечу в облаках! – сердито завопила Бомс. – Мы же вымокнем!

При этих ее словах Гарри испытал большое облегчение; его руки на древке «Всполоха» успели сильно онеметь. Он жалел, что не надел куртку, от холода его трясло.

Следуя указаниям Шизоглаза, они то и дело меняли курс. Гарри летел, сильно сощурившись, – в глаза бил ледяной ветер, от которого вдобавок разболелись уши; так холодно на метле ему было лишь однажды, в третьем классе, на квидишном матче с «Хуффльпуффом», проходившем в бурю. Охрана, точно большие хищные птицы, кружила в воздухе. Гарри совершенно потерял счет времени. Интересно, сколько они уже летят? Час как минимум, это уж точно.

– Сворачиваем на юго-запад! – проорал Хмури. – Надо обогнуть шоссе!

Гарри так продрог, что уже с вожделением думал об уютных сухих салонах автомобилей внизу, а потом, с еще большим вожделением, о кружаной муке; оно, может, и не очень удобно, вертеться в чужих

каминах, но там по крайней мере тепло... Мимо, сверкнув лысиной и серьгой, просвистел Кингсли Кандайер... справа Эмелина Ванс с палочкой наготове внимательно смотрит по сторонам... а вот она взмыла, и ее сменил Стурджис Подмор...

– Надо немного вернуться назад, проверить, нет ли за нами хвоста! – крикнул Хмури.

– ТЫ ЧТО, ШИЗОГЛАЗ, ОШИЗЕЛ! – взвизгнула Бомс. – Я промерзла до самой метлы! Если мы будем так вилять, за неделю не долетим! И вообще мы уже почти на месте!

– Идем на снижение! – раздался голос Люпина. – Следуй за Бомс, Гарри!

Бомс ушла в пике, Гарри полетел за ней. Они направлялись к гигантскому скоплению огней, к огромной, раскинувшейся во все стороны, сверкающей и густой паутине с нашитыми там и сям заплатками густой черноты. Ниже, ниже, и вот уже Гарри видел фары и фонари, трубы и телевизионные антенны. Ужасно хотелось поскорее оказаться на земле, хотя он был уверен, что не сможет слезть с метлы, пока его не отморозят от древка.

– Приехали! – крикнула Бомс и через пару секунд приземлилась.

Гарри тоже коснулся земли – они оказались на пяточке неухоженной травы посреди маленькой площади. Бомс уже снимала сундук с метлы. Гарри, мелко дрожа, осмотрелся. Окрестные фасады смотрели неприветливо; кое-где выбиты окна, в темных стеклах посверкивают отражения фонарей, с дверей облезает краска, а у парадных крылец валяются груды мусора.

– Где это мы? – спросил Гарри, но Люпин тихо сказал:

– Минутку.

Хмури рылся в плаще онемевшими от холода руками.

– Нашел, – наконец пробормотал он, щелкая чем-то похожим на серебряную зажигалку.

Ближайший фонарь, пыхнув, потух. Хмури снова щелкнул и потушил следующий фонарь; так продолжалось до тех пор, пока площадь не погрузилась во тьму. Теперь светились только занавешенные окна, за которыми горели лампы, да месяц на небе.

– Одолжил у Думбльдора, – пророкотал Хмури, пряча мракёр в карман. – Пускай муглы выглядывают на улицу сколько им угодно. Ну, ребята, давайте-ка скоренько.

Он взял Гарри за локоть, провел через пяточок и через дорогу на тротуар; следом за ними Люпин и Бомс вдвоем несли сундук. С флангов шла остальная охрана с палочками на изготовку.

Из окна верхнего этажа ближайшего дома неся приглушенный грохот стереосистемы. За сломанными воротами валялась куча до отказа набитых мусорных мешков, источавших гнилостный запах.

– Вот, – тихо сказал Хмури, сунув кусок пергамента в прозрачарованную руку Гарри и приблизив к тексту зажженную палочку: – Быстро прочти и заучи наизусть.

Гарри поглядел на листок. Узкий почерк показался ему знакомым. Текст гласил:

Штаб-квартира Ордена Феникса расположена по адресу: Лондон, площадь Мракэнтлен, дом № 12.

Глава четвертая

Площадь Мракэнтлен, дом 12

– А что это такое, Орден?.. – начал было Гарри. – Тихо, парень! Не здесь! – заворчал Хмури. – погоди, пока войдем!

Он вырвал листок из рук Гарри и поджег волшебной палочкой. Бумажка, съеживаясь в языках пламени, порхнула на землю. Гарри оглядел дома на площади. Они сейчас стояли перед домом № 11; он посмотрел налево и увидел номер 10; на доме справа, однако, стоял номер 13.

– Но где же?..

– Подумай о том, что ты сейчас выучил наизусть, – тихо сказал Люпин.

Гарри проговорил про себя заученную фразу и на словах «площадь Мракэнтлен, дом № 12» увидел, что между домами одиннадцать и тринадцать из ниоткуда появляется весьма непрезентабельная дверь, а за ней очень скоро – грязные стены и немытые окна. Новый дом, как воздушный шар, вырастал прямо на глазах и теснил соседние дома. Гарри изумленно открыл рот. Но стереосистема в доме № 11 грохотала как ни в чем не бывало – видимо, проживающие там муглы ничего не заметили.

– Давай, давай, скорей, – заторопил Хмури, подталкивая Гарри в спину.

Гарри поднялся по стесанным каменным ступеням, разглядывая новоявленную дверь. Черная краска на ней сильно потрескалась. Серебряный дверной молоток – змея клубком. Ни замочной скважины, ни щели для писем.

Люпин достал палочку и легонько стукнул по двери. Что-то металлически защелкало, и, кажется, зазвенела цепь. Дверь со скрипом отворилась.

– Гарри, давай быстренько внутрь, – прошептал Люпин, – только не заходи далеко и ничего не трогай.

Перешагнув порог, Гарри очутился в почти непроницаемой темноте. Пахло пылью, сладковатой гнилью, сыростью – древним необитаемым жилищем. Он оглянулся через плечо и увидел, как заходят в дом остальные. Люпин и Бомс внесли сундук и клетку Хедвиги. Хмури стоял на верхней ступени крыльца и выпускал на волю световые шары, стремительно улетающие к колбам уличных фонарей. Площадь снова озарилась оранжевым; Хмури прохромал в дом и закрыл за собой дверь. В холле стало совершенно темно.

– Дай-ка...

Хмури постучал Гарри по макушке волшебной палочкой, по спине побежали горячие струйки – прозрачаровательное заклятие было снято.

– А теперь стойте все смирно, я свет зажгу, – шепотом сказал Хмури.

Оттого, что все говорили приглушенно, у Гарри появилось неприятное ощущение, будто они пришли в дом к умирающему. Раздалось тихое шипение, и сейчас же по стенам зажглись старомодные газовые лампы – они тусклым мерцанием осветили шелушащиеся обои и протертый до дыр ковер длинного мрачного холла. Под потолком поблескивала огромная, опутанная паутиной люстра, а на стенах свисали с крюков почерневшие от времени портреты. Под плинтусами что-то шуршало. Люстра и канделябр на шатком столике были в форме змей, как и дверной молоток.

Послышались торопливые шаги, и из двери в дальнем конце холла вышла миссис Уизли, мама Рона. Лучась радостью, она кинулась навстречу гостям. Гарри заметил, что с их последней встречи она сильно побледнела и похудела.

– Ой, Гарри, как же я счастлива тебя видеть! – прошептала она и крепко сжала его в объятиях, а после отстранила от себя, оглядела внимательно и продолжила: – Что-то ты осунулся, надо будет тебя подкормить, вот только, боюсь, ужин еще не скоро.

Взрослым колдунам она взволнованным шепотом сообщила:

– Он только что прибыл, собрание началось.

За спиной у Гарри раздались взволнованные восклицания, и все торопливо зашагали мимо него к двери, откуда только что вышла миссис Уизли. Гарри хотел было пойти следом, но миссис Уизли его остановила.

– Нет, Гарри, собрание только для членов Ордена. Рон с Гермионой наверху, подожди пока с ними, а потом будем ужинать. И, пожалуйста, не разговаривай громко в холле, – добавила она лихорадочным шепотом.

– Почему?

– Чтобы ничего не разбудить.

– Как это?..

– Потом объясню, сейчас некогда, мне надо на собрание – вот только покажу, где ты будешь спать.

Прижимая палец к губам, она на цыпочках провела его мимо двух длинных, проеденных молью портьер, за которыми, решил Гарри, должна быть еще одна дверь. Затем, обогнув подставку для зонтов, сильно напоминавшую отрубленную ногу тролля, они стали подниматься по неосвещенной лестнице вдоль вереницы торчащих из стен сушеных голов на подставках. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это головы домовых эльфов с одинаковыми носами, очень похожими на хоботки.

С каждой ступенькой удивление Гарри росло. Зачем они здесь, в доме, явно принадлежащем чернейшему из магов?

– Миссис Уизли, почему?..

– Дорогой, Рон с Гермионой тебе все объяснят, а мне правда надо бежать, – рассеянно прошептала миссис Уизли. – Вот, – они поднялись на площадку второго этажа, – твоя дверь справа. Когда собрание кончится, я вас позову.

И она пошла вниз.

Гарри пересек грязную лестничную площадку, повернул дверную ручку в форме змеиной головы и открыл дверь.

Перед ним мелькнула мрачная комната с высокими потолками и двумя одинаковыми кроватями; затем раздался громкий клетот и вопль еще громче, и Гарри перестал видеть что бы то ни было, кроме густой массы кудрявых волос. Гермиона, бросившись с объятиями, чуть не сбила его с ног, а крошечная сова Рона, Свинринстель, от восторга выписывала бешеные круги над их головами.

– ГАРРИ! Рон, он уже здесь, Гарри здесь! Мы не слышали, как вы вошли! О-о, как ты? Ты нормально? Ты очень злишься? Знаю, что очень, мы писали такие болванские письма... но мы ничего не могли, Думбльдор взял с нас клятву не говорить, о-о, мы столько всего должны тебе рассказать, и ты тоже... Дементоры! Когда мы узнали... и еще это слушание... полное безобразие, я все законы просмотрела, тебя не могут исключить, просто не имеют права, в декрете о рациональных ограничениях колдовства среди несовершеннолетних оговорено, что в опасных для жизни ситуациях...

– Гермиона, он же задохнется, – сказал Рон, широко улыбаясь и притворяя дверь. За прошедший месяц Рон подрос минимум на несколько дюймов и стал еще больше похож на каланчу. А вот длинный нос, ярко-рыжие волосы и веснушки остались прежними.

Сияющая Гермиона отпустила Гарри, но, не успела она произнести еще хоть слово, раздался громкий шорох крыльев, и нечто снежно-белое, слетев со шкафа, мягко опустилось ему на плечо.

– Хедвига!

Белая сова защелкала клювом и принялась нежно щипать хозяина за ухо. Гарри ласково гладил ее перья.

– Она нам тут такие сцены закатывала, – сообщил Рон. – Когда принесла твои последние письма, чуть до смерти не заклевала, вот смотри...

Он продемонстрировал Гарри палец с поджившей, но очень глубокой раной.

– Какая неприятность, – процедил Гарри. – Уж прости – но мне, знаешь ли, нужен был ответ.

– Мы очень хотели написать, честно, – сказал Рон. – Гермиона уже на стенку лезла, говорила, что ты натворишь глупостей, если и дальше не будешь получать известий, но Думбльдор...

– ...взял с вас клятву не говорить, – закончил за него Гарри. – Я понял.

Теплота, что разлилась в груди, едва он увидел лучших друзей, вдруг исчезла, уступив место ледяной ярости. Он столько времени мечтал с ними встретиться, а теперь... Пожалуй, он даже хотел бы, чтоб они ушли и оставили его в покое.

Повисло напряженное молчание. Гарри ни на кого не глядя машинально перебирал перья Хедвиги.

– Но он думал, так будет лучше, – почти неслышно пролепетала Гермиона. – В смысле Думбльдор.

– Ага, – сказал Гарри. На ее руках он без капли сочувствия тоже заметил следы клюва Хедвиги.

– По-моему, он считает, что у муглов безопаснее... – начал Рон.

– Да что ты? – Гарри поднял брови. – А на кого-нибудь из вас нападали дементоры?

– Нет, но... поэтому он и приставил к тебе людей из Ордена...

Внутренности Гарри ухнули вниз, будто он, спускаясь по лестнице, нечаянно пропустил ступеньку. Значит, все знали, что за ним следят, – кроме него самого.

– Не очень-то помогло, – сказал он, изо всех сил стараясь не раскричаться. – Мне пришлось самому о себе позаботиться, а?

– Он жутко рассердился. – произнесла Гермиона в благоговейном ужасе. – Думбльдор. Мы сами видели. Когда узнал, что Мундугнус ушел с дежурства до конца смены. Это было что-то страшное.

– А я рад, что Мундугнус ушел, – холодно отозвался Гарри. – А то мне не пришлось бы колдовать, и Думбльдор, наверно, так и продержал бы меня на Бирючинной до конца лета.

– А ты... не боишься дисциплинарного слушания? – тихо спросила Гермиона.

– Нет, – с вызовом солгал Гарри.

Со счастливой Хедвигой на плече он отошел от Рона с Гермионой и осмотрелся. Увы, эта комната едва ли могла поднять настроение. Здесь было темно и сыро. Облупившиеся стены украшал лишь большой кусок пустого холста в резной раме. Гарри прошел мимо, и ему показалось, что в невидимых глубинах картины противно захихикали.

– И почему же Думбльдору так хотелось, чтоб я ничего не знал? – спросил Гарри, все еще стараясь, чтобы голос звучал как обычно. – Вы... э-э... не потрудились поинтересоваться?

Он поднял глаза и успел заметить взгляды, которыми обменялись Рон с Гермионой. Эти взгляды означали, что он ведет себя именно так, как они и боялись. От чего ему не стало легче.

– Мы говорили Думбльдору, что хотим тебе все рассказать, – ответил Рон. – Честно. Но он сейчас так занят. Мы и видели-то его здесь всего два раза, и то у него не было на нас времени, он только заставил нас поклясться, что мы тебе ничего важного писать не будем, на случай, если сов перехватят.

– Вот только не рассказывайте, что, кроме сов, у него не было другого способа со мной связаться, – отрезал Гарри. – Захотел бы – обошелся бы и без них.

Глянув на Рона, Гермиона сказала:

– Я тоже об этом думала. Но он не хотел, чтобы ты знал хоть что-нибудь.

– Может, он мне не доверяет, – бросил Гарри, наблюдая за их лицами.

– Ты что, сдурел? – растерялся Рон.

– Или думает, что я не способен о себе позаботиться.

– Ничего такого он не думает! – вскричала Гермиона.

– А почему же тогда вы во всем участвуете, а я сижу у Дурслеев? – сбивчиво заговорил Гарри, с каждым словом повышая голос. – Почему вам можно знать все, а мне нет?

– Ничего нам нельзя! – перебил его Рон. – Мама и близко не подпускала нас к собраниям, говорит, мы еще малень...

Но Гарри, не помня себя, заорал:

– ВАС, ЗНАЧИТ, НЕ ПУСКАЛИ НА СОБРАНИЯ?! ГОРЕ-ТО КАКОЕ! ЗАТО ВЫ БЫЛИ ЗДЕСЬ! ВМЕСТЕ! А Я ЦЕЛЫЙ МЕСЯЦ ПРОТОРЧАЛ У ДУРСЛЕЕВ! А Я УЖ КАК-НИБУДЬ УМЕЮ ПОБОЛЬШЕ ВАШЕГО! И ДУМБЛЬДОР ЭТО ЗНАЕТ! КТО ВЕРНУЛ ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ? КТО УНИЧТОЖИЛ РЕДДЛЯ? КТО ВСЕХ СПАСАЛ ОТ ДЕМЕНТОРОВ?

Из него неудержимо лились обиды, копившиеся целый месяц: и тревога от отсутствия новостей, и досада на друзей, что они проводят время вместе без него, и возмущение оттого, что за ним следили, а он ничего не знал... Все чувства, которых он почти стыдился, внезапно вырвались из-под контроля. Хедвига, испугавшись крика, улетела обратно на шкаф; Свинринстель тревожно застрекотал и принялся нарезать круги еще быстрее.

– КТО СРАЖАЛСЯ С ДРАКОНАМИ, СФИНКСАМИ И ВСЯКОЙ НЕЧИСТЬЮ? КТО ВИДЕЛ, КАК ОН ВЕРНУЛСЯ? КТО ОТ НЕГО СБЕЖАЛ? Я!

Растерянный Рон стоял с полуоткрытым ртом, явно не зная, что сказать. Гермиона готова была разрыдаться.

– НО ЧТО ОБО МНЕ БЕСПОКОИТЬСЯ, ДА? ЗАЧЕМ МНЕ О ЧЕМ-ТО РАССКАЗЫВАТЬ?

– Гарри, мы хотели рассказать, честное слово... – начала Гермиона.

– ЗНАЧИТ, НЕ ОЧЕНЬ-ТО СИЛЬНО ХОТЕЛИ! ИНАЧЕ ЧТО-НИБУДЬ ДА ПРИСЛАЛИ БЫ! НО ВЕДЬ ДУМБЛЬДОР ВЗЯЛ С ВАС КЛЯТВУ...

– Но он правда...

– Я МЕСЯЦ СИДЕЛ НА БИРЮЧИННОЙ! ТАСКАЛ ГАЗЕТЫ ИЗ УРН, ЧТОБ УЗНАТЬ, ЧТО ПРОИСХОДИТ!..

– Мы хотели...

– А ВАМ ТУТ БЕЗ МЕНЯ БЫЛО ОЧЕНЬ ВЕСЕЛО? УЮТНЕНЬКО?

– Нет, ну честно...

– Гарри, нам очень, очень жаль! – в отчаянии воскликнула Гермиона уже в слезах. – И ты совершенно прав – если бы так поступили со мной, я была бы в бешенстве!

Гарри некоторое время сверлил ее гневным взглядом, потом отвернулся и заходил по комнате. На шкафу мрачно ухала Хедвига. В комнате повисло долгое молчание, прерываемое лишь траурным скрипом половиц у Гарри под ногами.

– Где мы вообще? – отрывисто спросил он.

– В штаб-квартире Ордена Феникса, – поспешно ответил Рон.

– Кто-нибудь собирается мне объяснить, что за Орден такой?

– Это тайное общество, – заторопилась Гермиона, – во главе – Думбльдор, он основатель. Это те, кто сражался против Сам-Знаешь-Кого в прошлый раз.

– Кто именно? – Гарри встал посреди комнаты, сунув руки в карманы.

– Довольно много народу...

– Мы знаем человек двадцать, – сказал Рон, – но думаем, что их больше.

Гарри продолжал сверлить их взглядом.

– Ну? – бросил он, переводя глаза с одного на другую.

– Э-э-э, – замялся Рон. – Что – ну?

– Вольдеморт, вот что! – яростно закричал Гарри, и Рон с Гермионой вздрогнули. – Что известно? Где он? Как мы с ним боремся?

– Мы же сказали, нас не пускают на собрания, – взволнованно заговорила Гермиона. – Мы не знаем подробностей... но общее представление имеем, – спешно добавила она, увидев, какое у Гарри сделалось лицо.

– Такое дело – Фред с Джорджем изобрели подслуши, – пояснил Рон. – На редкость полезная вещь.

– Подслуши?

– Уши для подслушивания, ага. Только пришлось прекратить ими пользоваться – мама узнала. Прямо взбесилась. Чуть не выкинула на помойку, но Фред с Джорджем успели все поправить. Но еще до этого мы много чего разведали. Мы знаем, что одни следят за бывшими Упивающимися Смертью, досье на них ведут...

– Другие набирают новых членов, – продолжила Гермиона.

– А третьи что-то охраняют, – закончил Рон. – Они постоянно говорили про дежурства.

– Может, они охраняли меня? – саркастически осведомился Гарри.

– Действительно, – протянул Рон, будто на него только что снизошло откровение.

Гарри фыркнул. И снова заходил по комнате, на друзей стараясь не глядеть.

– Если вас не пускали на собрания, чем же вы тогда занимались? – спросил он. – Вы говорили, что ужасно заняты.

– Это правда, – заторопилась Гермиона. – Мы вычищали дом. Он много лет стоял пустой и тут, знаешь, завелось всякое. Мы обработали кухню, почти все спальни и завтра, наверное, гостин... А-А-А-А!

Раздались два громких хлопка, и посреди комнаты появились близнецы Фред и Джордж, старшие братья Рона. Свинрингель оглушительно заклекотал и пулей ринулся к Хедвиге на шкаф.

– Перестаньте так делать! – ослабевшим голосом сказала Гермиона близнецам, рыжим, как Рон, но более коренастым и не таким долговязым.

– Салют, Гарри! – радостно поздоровался Джордж. – А мы-то гадаем, чей это сладкий голосок?

– Не прячь злость в себе, Гарри, выплесни ее наружу, – посоветовал сияющий Фред. – В радиусе пятидесяти миль наверняка остались люди, которые тебя еще не слышали.

– Вы что, сдали экзамен на аппарирование? – проворчал Гарри.

– С отличием, – кивнул Фред, державший в руках странную длинную веревку телесного цвета.

– По лестнице вы бы спускались всего на полминуты дольше, – недовольно буркнул Рон.

– Время – галлеоны, маленький братец, – сказал Фред. – Гарри, ты глушил нам прием. Это подслуши, – пояснил он в ответ на удивленно поднятые брови Гарри и потряс веревкой, медленно выползавшей за дверь. – Мы хотели узнать, о чем они там говорят.

– Осторожнее, – предупредил Рон, глядя на подслуши, – если мама опять заметит...

Дверь приоткрылась, и в проем просунулась длинная рыжая грива.

– Ой, Гарри, привет! – просияла Джинни, младшая сестра Рона. – Я так и думала, что это твой голос. – И, повернувшись к близнецам, добавила: – С подслушами не получится. Она взяла и запечатала дверь кухни непроницаемым заклятием.

– Ты откуда знаешь? – удивился Фред.

– А меня Бомс научила, как проверить, – сказала Джинни. – Надо кинуть чем-нибудь в дверь, и если оно не долетает, значит, непроницаемо. Я бросалась навозными бомбами, а они отлетают в сторону, и все тут. Так что подслуши не смогут пролезть под дверь.

Фред тяжело вздохнул:

– Безобразие. А я так хотел узнать, что затевает наш дорогой Злейчик.

– Злей! – вскричал Гарри. – Он здесь?

– Угу. – Джордж аккуратно притворил дверь и сел на кровать; Фред и Джинни сели рядом. – С донесением. Сверхсекретным, разумеется.

– Козел, – лениво протянул Фред.

– Он же за нас, – укорила Гермиона.

Рон хрюкнул:

– Это что, мешает ему быть козлом? Как он на нас каждый раз смотрит!

– Биллу он тоже не нравится, – объявила Джинни таким тоном, словно это решало вопрос.

Гнев Гарри еще не вполне отступил, но жажда узнать наконец что-то вразумительное пересилила желание орать. Он сел на кровать против остальных.

– А что, Билл здесь? – спросил он. – Я думал, он в Египте?

– Он перевелся на офисную работу, чтобы жить дома и работать в Ордене, – сказал Фред. – Говорит, что скучает по гробницам, но, – Фред ухмыльнулся, – здесь есть свои преимущества.

– Какие?

– Помнишь старушку Флёр? Флёр Делакёр? – спросил Джордж. – Она нашла работу в «Гринготтсе», чтобы усовершенствовать свой англ-и-ийский...

– А Билл дает ей частные – и частые – уроки, – заржал Фред.

– Чарли тоже в Ордене, – сообщил Джордж, – но он пока в Румынии. Думбльдору нужно завербовать побольше колдунов из-за границы, и Чарли по выходным пытается выйти с ними на контакт.

– А Перси не может? – спросил Гарри. Насколько он знал, третий по старшинству брат Уизли работал в департаменте международного магического сотрудничества министерства магии.

Остальные сумрачно переглянулись.

– Ты, главное, при маме с папой о Перси не упоминай, – напряженно сказал Рон.

– Почему?

– Потому что тогда папа обязательно разобьет то, что будет у него в руках, а мама заплачет, – объяснил Джордж.

– Ужас, – печально проговорила Джинни.

– Туда ему и дорога, – сказал Джордж, скорчив на редкость злобную рожу.

– Да что случилось-то? – спросил Гарри.

– Перси поспорил с папой, – ответил Фред. – Я никогда не видел, чтобы папа с кем-нибудь так ругался. Это, знаешь, у нас мама любительница покричать...

– Сразу как учебный год закончился, – продолжил Рон. – Мы уже собирались в Орден. Перси приехал домой и сообщил, что его повысили...

– Шутишь?! – воскликнул Гарри.

Он, конечно, знал, что Перси – человек в высшей степени амбициозный, но считал, что на своей первой работе тот выступил не лучшим образом. Перси проявил изрядную непрозорливость, не сумев понять, что его начальником управляет лорд Вольдеморт (правда, в министерстве магии в это и не верили – считалось, что мистер Сгорбс рехнулся).

– Да, мы тоже удивились, – кивнул Джордж. – Перси шпыняли из-за Сгорбса – расследование и все такое. Мол, Перси сразу должен был распознать, что у начальника снесло крышу, и доложить в вышестоящие инстанции. Но вы же знаете Перси: Сгорбс оставил его у руля, он и не жаловался.

– И как же он получил повышение?

– Вот и нам было интересно, – сказал Рон, явно радуясь, что Гарри больше не вопит и с ним можно нормально поговорить. – Явился домой очень собой довольный – даже больше обычного, хотя куда уж больше, – и объявил папе, что ему предложили должность в офисе самого Фуджа. Младший помощник министра. Для человека, который год назад школу окончил, это суперкарьера. И Перси, видимо, ждал, что папа упадет в обморок от восторга.

– А папа не обрадовался, – хмуро пробурчал Фред.

– Почему? – спросил Гарри.

– Ну, Фудж только и делает, что носится по министерству и следит, чтобы никто не общался с Думбльдором, – ответил Джордж.

– В министерстве теперь и имени его нельзя произнести, – сказал Фред. – Там считают, что Думбльдор своими рассказами о возвращении Сам-Знаешь-Кого просто мутит воду.

– Папа говорит, Фудж ясно дал понять, что те, кто заодно с Думбльдором, могут собирать манатки, – добавил Джордж.

– И беда в том, что Фудж подозревает папу, – он же знает, что папа всегда с Думбльдором дружил. И потом, Фудж считает, что папа слегка того, из-за его любви к муглам.

– А Перси тут при чем? – ничего не понимая, спросил Гарри.

– Я к тому и веду. Папа думает, Фудж зовет Перси к себе только для того, чтобы Перси шпионил за нашей семьей – и соответственно за Думбльдором.

Гарри тихо присвистнул:

– Да, небось Перси понравилось.

Рон безрадостно рассмеялся:

– Он чуть с катушек не съехал. Сказал... ну, в общем, кучу всего наговорил. Что с тех пор, как он пришел в министерство, без конца страдает из-за папиной плохой репутации, что у папы нет честолюбия и поэтому мы всегда были... ну, ты понимаешь... ну то есть, что у нас было мало денег...

– Что?! – Гарри не поверил своим ушам. Джинни зашипела, как рассерженная кошка.

– Вот-вот, – тихо подтвердил Рон. – И хуже того. Он сказал, что папа как идиот носится с Думбльдором, а Думбльдор скоро полетит вверх тормашками, и папа вместе с ним, а он, Перси, должен быть верен министерству. И если мама с папой собираются министерство предать, он позаботится, чтобы все знали, что он больше не имеет ничего общего со своей семьей. И в тот же вечер собрал вещи и ушел. Теперь живет здесь, в Лондоне.

Гарри вполголоса выругался. Ему никогда особенно не нравился Перси, но он не мог и вообразить, что тот способен наговорить такое мистеру Уизли.

– Мама страшно горюет, – продолжал Рон. – Ну, знаешь... плачет и все такое. Она ездила в Лондон, хотела с ним объясниться, но Перси захлопнул дверь у нее перед носом. Уж не знаю, что он делает, когда встречается в министерстве папу... не замечает, наверно.

– Но Перси же должен понимать, что Вольдемо́рт вернулся, – медленно проговорил Гарри. – Он ведь не дурак, он не думает, что родители всем рискнут просто так, без доказательств.

– Ну, понимаешь, они когда ссорились, твое имя тоже всплыло. – Рон украдкой посмотрел на Гарри. – Перси сказал, что никаких доказательств, кроме твоего слова, нет и что... ну, я не знаю... в общем, ему этого недостаточно.

– Перси верит «Оракулу», – ядовито заметила Гермиона. Все закивали.

– О чем вы? – спросил Гарри, обводя их глазами. Все смотрели на него опасливо.

– Ты что... не получал «Оракул»? – заволновалась Гермиона.

– Почему? Получал, – сказал Гарри.

– А ты его... э-э... внимательно читал? – еще тревожнее спросила Гермиона.

– Ну, не от корки до корки, – уклончиво ответил Гарри. – Если б сообщили о Вольдемо́рте, это же было бы на первой полосе?

От страшного имени все вздрогнули. Гермиона торопливо продолжила:

– Понимаешь, чтобы понять, надо именно что читать от корки до корки, но твое имя... ммм... упоминалось раза два в неделю.

– Но я не видел...

– Нет, конечно, если ты читал только передовицу. – Гермиона покачала головой. – Небольшие статьи. Понимаешь, они просто вставляли твое имя там и сям, как расхожую шутку какую-то.

– Что ты хочешь?..

– Хочу сказать, что это довольно грязно, – произнесла Гермиона, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие. – Как бы в продолжение Ритиных статей.

– Но она же больше не пишет?

– Нет-нет, она держит слово... не то чтобы у нее был выбор, – удовлетворенно прибавила Гермиона. – Но она, так сказать, заложила фундамент того, что сейчас творится.

– А конкретнее? – нетерпеливо спросил Гарри.

– Помнишь, она писала, что ты без конца падаешь в обморок из-за болей в шраме и все в таком роде?

– Разумеется, – ответил Гарри, который едва ли мог вскорости забыть пасквили Риты Вритер.

– Понимаешь, они теперь пишут про тебя так, будто ты сумасшедший, который считает себя трагическим героем и вечно пытается привлечь к себе побольше внимания, – сказала Гермиона очень быстро, словно так Гарри будет легче это выслушать. – Они то и дело вставляют в статьи разные колкости. Если появляется какая-то безумная история, они говорят: «Сказочка, достойная Гарри Поттера», а если с кем-то что-то вдруг приключается, то пишут: «Будем надеяться, у него не останется шрама, а то не успеем оглянуться, как придется и его боготворить...»

– Мне не нужно, чтобы меня боготворили... – вскипел Гарри.

– Я знаю, – испуганно перебила Гермиона. – Я знаю, Гарри. Но ты понимаешь, что они делают? Их цель – чтобы тебе никто не верил. За этим стоит Фудж, вот голову даю на отсечение. Министерство хочет, чтобы обыкновенные колдуны считали, будто ты глупый, смешной мальчик, который специально рассказывает таинственные истории, потому что ему нравится быть знаменитым и он хочет оставаться в центре внимания...

– Я не хотел... я не просил... Вольдеморт убил моих родителей! – заикаясь от гнева, выкрикнул Гарри. – Я известен из-за того, что он убил мою семью, но не смог убить меня! Кому нужна такая известность? Им не приходило в голову, что я бы с большим удовольствием...

– Гарри, мы это знаем, – серьезно сказала Джинни.

– И, разумеется, о нападении дементоров – ни слова, – продолжила Гермиона. – Им велели молчать. А ведь это сенсация, подумай, – вышедшие из-под контроля дементоры! Даже не сообщили, что ты нарушил Международный закон о секретности. Мы были уверены, что уж этого-то они не упустят, очень вписывается в образ на все готового позера. Мы думаем, сейчас они выжидают. Вот когда тебя исключат, история сразу выйдет наружу – то есть, конечно, я хочу сказать, если тебя исключат, – торопливо добавила она. – А это просто невозможно, если они хоть как-то соблюдают свои же законы. У них против тебя ничего нет.

Вот опять они вернулись к слушанию, а Гарри не хотел о нем вспоминать. Он задумался, как бы переменить тему, но был избавлен от необходимости что-то изобретать: на лестнице послышались шаги. Кто-то поднимался.

– Ой-ой.

Фред с силой дернул к себе подслуши. Раздался громкий хлопок, и близнецы испарились. Пару секунд спустя на пороге появилась миссис Уизли.

– Собрание закончилось, пойдемте ужинать. Гарри, все просто сгорают от желания тебя увидеть. Кстати, это кто набросал перед кухней навозных бомб?

– Косолапсус, – не краснея, соврала Джинни. – Он так любит с ними играть.

– А, – сказала миссис Уизли, – я подумала, может, Шкверчок, он все время что-то чудит. Так. Не забудьте, что в холле нельзя громко разговаривать. Джинни, какие у тебя грязные руки! Что ты только с ними делала? Будь добра, вымой перед ужином как следует.

Джинни скорчила рожицу и следом за матерью вышла из комнаты. Гарри остался наедине с Роном и Гермионой. Оба глядели на него с опаской, точно боялись, что теперь, когда все ушли, он опять раскричится. При виде их испуганных лиц Гарри слегка устыдился.

– Слушайте... – пробормотал он, но Рон затряс головой, а Гермиона тихо сказала:

– Мы знали, что ты рассердишься, Гарри, и мы на тебя не обижаемся, но ты пойми, мы пытались переубедить Думбльдора...

– Да, я понял, – коротко ответил Гарри.

Он стал лихорадочно искать тему, которая не затрагивала бы директора их школы, потому что при одной мысли о нем душа начинала гореть от злости.

– Кто такой Шкверчок? – спросил Гарри.

– Здешний домовый эльф, – ответил Рон. – Придурок. Никогда такого не встречал.

Гермиона нахмурилась:

– Никакой он не придурок, Рон.

– А кто же он, если цель всей его жизни – чтобы ему, как его мамаше, отрезали голову и прилепили ее над лестницей? – раздраженно бросил Рон. – Это что, нормально?

– Ну... Да, он немного странный, но он не виноват.

Рон, повернувшись к Гарри, закатил глаза:

– Так. ПУКНИ. Давно не слышали.

– Сам ты ПУКНИ! – взвилась Гермиона. – Сколько говорить: Пэ – У – Ка – Эн – И! Против угнетения колдовских народов-изгоев! И потом, не только я, Думбльдор тоже говорит, что надо быть добрыми к Шкверчку.

– Да-да, – сказал Рон. – Пошли, я умираю от голода.

Он первым вышел за дверь, но, раньше чем они начали спускаться...

– Замри! – выдохнул Рон, выбрасывая руку в сторону. – Они еще в холле, давайте послушаем.

Все трое осторожно перегнулись через перила. В темном холле толпилось множество колдунов и ведьм, среди которых был и весь авангард. Все возбужденно перешептывались. В самом центре Гарри заметил черную голову с сальными волосами и крупным носом. Самый нелюбимый его учитель, профессор Злей. Гарри сильнее перегнулся через перила. Ему было очень интересно, чем занимается Злей в Ордене Феникса...

И тут, прямо перед Гарри, вниз поползла телесного цвета веревка. Подняв глаза, он увидел, как близнецы площадкой выше аккуратно спускают подслуши к тесной толпе колдунов. К сожалению, через секунду толпа двинулась к выходу и скрылась.

– Блин, – донесся до Гарри шепот Фреда, вздернувшего подслуши обратно.

Внизу открылась и закрылась дверь.

– Злей никогда не остается ужинать, – тихо поведал Гарри Рон. – И отличненько. Пошли.

– Гарри, не забудь, что в холле нужно шепотом, – тихонько напомнила Гермиона.

Они прошли мимо голов домовых эльфов и увидели у двери Люпина, миссис Уизли и Бомс – те волшебными палочками запирали многочисленные замки и засовы.

– Ужинаем на кухне, – прошептала миссис Уизли, встречая ребят у подножия лестницы. – Гарри, детка, пройди, пожалуйста, на цыпочках, вон к той двери...

БУМ-М!

– Бомс! – в отчаянии всплеснула руками миссис Уизли, оборачиваясь.

– Простите! – застонала Бомс, лежа на полу. – Дурацкая подставка! Второй раз об нее спотыкаюсь...

Но все прочие ее слова потонули в невероятном, ледящем кровь, ужасающем вое.

Проеденные молью бархатные портьеры распахнулись, но за ними оказалась не дверь. В первую секунду Гарри подумал, что это окно – окно, за которым орет старуха в черном чепце, орет так, будто ее пытаются, – но потом он сообразил, что это всего-навсего портрет в натуральную величину, – и ему в жизни не встречалось портретов живее и неприятнее.

Изо рта старухи капала слюна, глаза закатились, желтоватая кожа натянулась от крика, разбудившего все остальные портреты в холле. Проснувшись, они подняли такой гам, что Гарри пришлось зажмуриться и зажать уши руками.

Люпин с миссис Уизли кинулись к старухиному портрету и попытались задернуть портьеры, но те не хотели закрываться, и старуха вопила все громче. Она потрясала руками и царапала острыми когтями воздух, словно желая выцарапать глаза всем вокруг.

– Грязь! Гнусность! Порождение мерзости и скверны! Прочь, полукровки, мутанты, полоумные! Как вы смеете осквернять порог дома моих отцов...

Бомс тащила на место тяжеленную троллиную ногу и бесконечно извинялась; миссис Уизли оставила попытки задернуть портьеры и бегала по холлу, тыча

волшебной палочкой в другие портреты и повторяя: «Обомри, обомри»; а в конце холла вдруг распахнулась дверь, и оттуда стремительным шагом вышел мужчина с длинными черными волосами.

– Тихо, старая ведьма, ТИХО! – проревел он, хватаясь за портьеры, с которыми не справилась миссис Уизли.

Лицо старухи побелело.

– Ты-ы-ы-ы! – взвыла она, и ее глаза выкатились из орбит. – Осквернитель семейных традиций, предатель, позор нашего рода!

– Я – сказал – ТИХО! – грозно зарычал мужчина и вместе с Люпином невероятным усилием сумел задвинуть портьеры.

Вопли прекратились, и в холле воцарилась звенящая тишина.

Откинув со лба длинные черные пряди и немного задыхаясь, Сириус повернулся к Гарри.

– Привет, – мрачно проговорил он. – Вижу, ты уже познакомился с моей мамочкой.

Глава пятая

Орден Феникса

– Твоей?..

– Да-да, моей милой, доброй мамочкой, – кивнул Сириус. – Вот уже месяц пытаемся ее снять, но, кажется, она наложила на задник холста неотлипное заклятие... Пойдем скорее вниз, пока они все снова не проснулись.

– Но откуда здесь портрет твоей мамы? – в растерянности спросил Гарри, когда они вышли из холла и стали спускаться по узкой каменной лестнице. Остальные шли сзади.

– А тебе никто не сказал? Это дом моих родителей, – ответил Сириус. – И поскольку из Блэков остался я один, дом теперь мой. Я предложил Думбльдору устроить здесь штаб-квартиру – единственно полезное, что я мог сделать.

Гарри, ожидавший более теплого приема, обратил внимание на горечь, прозвучавшую в словах Сириуса. Следом за крестным он спустился в подвальный этаж, прошел в дверь и оказался на кухне.

По мрачности это помещение – почти пещера с шероховатыми каменными стенами – мало отличалось от холла этажом выше. Светился здесь, по сути, только большой очаг у дальней стены. В воздухе висели клубы табачного дыма, отчего кухня напоминала поле брани, а сквозь дымную пелену проглядывали грозные силуэты громадных чугунных котлов и сковород, свисавших с потолка. Для собрания сюда принесли множество стульев; они в беспорядке теснились вокруг длинного деревянного стола, заставленного кубками вперемешку с пустыми винными бутылками и заваленного пергаментными свитками. Посреди стола лежала гора каких-то тряпок. В торце сидели мистер Уизли и его старший сын Билл. Склонив друг к другу головы, они тихо разговаривали.

Миссис Уизли негромко кашлянула. Ее муж, худой, лысеющий, рыжеволосый человек в роговых очках, обернулся и тут же вскочил.

– Гарри! – воскликнул он, заторопившись навстречу. Он энергично пожал Гарри руку. – Рад тебя видеть!

За его спиной Билл, по-прежнему с длинными волосами, собранными в хвост, спешно сворачивал оставленные после собрания свитки.

– Гарри, как добрались, нормально? – крикнул Билл, пытаясь ухватить дюжину свитков разом. – Шизоглаз, надеюсь, не заставил вас лететь через Гренландию?

– Хотел, да не вышло, – сказала Бомс. Она подошла, собираясь помочь Биллу, и первым делом опрокинула свечку на последний лист пергамента. – Ой нет!.. Простите...

– Ничего, милая, – безнадежно вздохнула миссис Уизли и все поправила одним взмахом палочки. От ее заклятия над пергаментом на мгновение вспыхнул яркий свет, и Гарри заметил рисунок, очень похожий на план здания.

Миссис Уизли перехватила его взгляд. Она цапнула план со стола и пихнула его Биллу, у которого и без того были переполнены руки.

– Такие вещи надо убирать сразу, – сурово выговорила она и направилась к антикварному посудному шкафу за тарелками.

Билл вынул волшебную палочку, пробормотал:

– Эванеско! – И свитки исчезли.

– Садись, Гарри, – сказал Сириус. – Ты же знаком с Мундугнусом?

То, что Гарри вначале принял за гору тряпок, со вкусом всхрапнуло, вздрогнуло и проснулось.

– Га? Кто меня зовет? – невнятно пробурчал Мундугнус. – П’солютно согласен с Сириусом... – Он, словно голосуя, вытянул вверх ужасно грязную руку. Его красные глаза скорбно смотрели в разные стороны.

Джинни захихикала.

– Собрание давно закончилось, Гнус, – сообщил Сириус. Остальные рассаживались за столом. – Смотри, Гарри приехал.

– Га? – Мундугнус недобро посмотрел на Гарри сквозь нечесанные рыжие пряди. – Мать честная, и правда! М-да... Ты как, Гарри? Нормалек?

– Да, – кивнул Гарри.

Мундугнус, не сводя с него глаз, лихорадочно зашарил в карманах, вытащил грязную черную трубку, сунул ее в рот, прикурил от волшебной палочки, жадно затянулся и в мгновение ока скрылся в клубках зеленоватого дыма. Скоро из

вонючего облака глухо слышалось:

– Ты уж не сердчай на меня, старика.

– Мундугнус, сколько раз говорить, не кури на кухне, особенно перед едой! – закричала миссис Уизли.

– Ой! – сказал Мундугнус. – Забыл. Прости, Молли.

Он сунул трубку в карман, и облако исчезло, но запах горелых носков надолго повис в воздухе.

– Если вы хотите сесть ужинать до полуночи, мне нужна помощь, – объявила миссис Уизли, не обращаясь ни к кому в отдельности. – Нет, Гарри, дорогой, ты с дороги, ты сиди.

– Что надо делать, Молли? – Бомс с охотой кинулась к ней.

– Э-э-э... нет, Бомс, и тебе нужно отдохнуть, с тебя на сегодня тоже хватит, – после короткого раздумья опасливо ответила миссис Уизли.

– Но я с удовольствием помогу! – Бомс, опрокинув стул, вскочила и бросилась к шкафу, откуда Джинни доставала столовые приборы.

Вскоре набор тяжелых ножей под надзором мистера Уизли уже рубил мясо и резал овощи, миссис Уизли, склонясь над огнем, помешивала что-то в котле, а остальные извлекали из шкафа тарелки, кубки, вынимали припасы из кладовой. Гарри остался за столом с Сириусом и Мундугнусом. Тот, часто моргая, по-прежнему взирал на него с похоронным видом.

– Видел потом нашу старушенцию? – поинтересовался он.

– Нет, – ответил Гарри. – Никого не видел.

– П'маешь, я бы не ушел, – склонившись к Гарри, с мольбой в голосе проговорил Мундугнус, – но такой шанс!.. Бизнес, куды денешься...

Что-то мазнуло Гарри по коленкам, и он вздрогнул, но это оказался всего лишь Косолапсус, рыжий кривоногий кот Гермiony. Он потерся о ноги Гарри, мурлыкнул, а затем вспрыгнул на колени к Сириусу и свернулся клубком. Сириус рассеянно почесал кота за ухом и по-прежнему угрюмо уставился на Гарри:

– Ну как каникулы? Нормально?

– Наоборот, отвратительно, – сказал Гарри.

Тут на лице крестного впервые мелькнуло что-то похожее на улыбку:

– Лично я не понимаю, чем ты недоволен.

– Что? – не поверил своим ушам Гарри.

– Вот я был бы только рад, если бы на меня напали дементоры. Смертельная борьба за душу! Хоть какой-то яркий проблеск в серости будней. По-твоему, это тебе было плохо? Да ты же мог выйти на улицу, ноги размять, опять же подраться... А я вот уже целый месяц под замком!

– Как это? – нахмурился Гарри.

– А так. Во-первых, я в розыске. Во-вторых, Волдеморт наверняка теперь знает от Червехвоста, что я анимаг, – значит, от моего маскарада больше никакого проку. Вот и получается, что для Ордена я практически бесполезен... по мнению Думбльдора, во всяком случае.

По невыразительному тону, которым было произнесено имя Думбльдора, Гарри стало ясно, что и Сириус не слишком доволен директором «Хогварца».

– Зато ты был в курсе дела, – попытался утешить он.

– О да, – саркастически отозвался Сириус. – Будешь тут в курсе дела, выслушивая рапорты Злея вместе с его бесконечными ядовитыми намеками: он, дескать, рискует жизнью, а некоторые тем временем прохлаждаются дома... Всё интересуется, как дела с уборкой...

– Какой уборкой?

– Мы пытаемся сделать этот дом пригодным для жизни, – объяснил Сириус, рукой небрежно обмахнув ужасную кухню. – Здесь ведь со смерти моей дражайшей матушки, целых десять лет, никто не жил, не считая, конечно, ее старого домового эльфа – но и тот съехал с катушек и совершенно перестал прибираться.

– Сириус, друг, – неожиданно вмешался Мундугнус, явно не вникая в разговор, но с интересом изучая пустой кубок, – это чего, чистое серебро?

– Да, – Сириус взглянул на кубок с отвращением. – Серебро чистейшей пробы. Пятнадцатый век, гоблинскаяковка. Тиснение – родовой герб Блэков.

– Оно быстренько сойдет, это тиснение, – пробормотал Мундугнус, полируя кубок рукавом.

– Фред! Джордж! НЕТ! НЕСИТЕ РУКАМИ! – раздался вопль миссис Уизли.

Гарри, Сириус, Мундугнус обернулись и в полсекунды оказались под столом. Фред с Джорджем заколдовали котел с рагу, железный кувшин усладеля и тяжелую деревянную хлебную доску вместе с ножом, подняли их в воздух и манили к себе от стола. Котел приземлился на большой скорости, проехал по столешнице, оставив за собой черный выжженный след, и замер на самом краю; кувшин грохнулся, расплескав половину содержимого; хлебный нож соскользнул с доски лезвием вниз, вонзился туда, где секунду назад была правая рука Сириуса, и угрожающе завибрировал.

– РАДИ ВСЕГО СВЯТОГО! – возопила миссис Уизли. – ЭТО ЕЩЕ ЗАЧЕМ? НЕТ, С МЕНЯ ХВАТИТ!.. ЕСЛИ ВАМ РАЗРЕШИЛИ КОЛДОВАТЬ, ЭТО НЕ ЗНАЧИТ, ЧТО НАДО ПО ЛЮБОМУ ПОВОДУ ХВАТАТЬСЯ ЗА ПАЛОЧКИ!

– Мы хотели сэкономить время! – крикнул Фред, подбегая, чтобы выдернуть нож из стола. – Сириус, дружище... Прости... не хотели...

Гарри с Сириусом хохотали; Мундугнус, который вместе со стулом повалился навзничь, поднимался на ноги, жутко бранясь; желтые, светящиеся глаза

Косолапсуса, с сердитым шипением улетевшего под шкаф, неподвижно глядели из темноты.

– Мальчики, – сказал мистер Уизли, с усилием переставляя рагу в центр стола, – мама права. Теперь, когда вы уже взрослые, нужно проявлять больше ответственности...

– Ни от кого из ваших братьев не было столько нервов! – выкрикнула миссис Уизли, шлепая на стол новый кувшин с усадэлем и расплескивая едва ли меньше близнецов. – Биллу почему-то не требовалось аппарировать через каждые два шага! Чарли не зачаровывал все, что попадает под руку! Перси...

Она запнулась и, оборвав себя на полуслове, испуганно поглядела на мужа, чье лицо внезапно окаменело.

– Давайте есть, – поспешно предложил Билл.

– Изумительно, Молли, – сказал Люпин, ложкой накладывая рагу на тарелку и передавая ей через стол.

Несколько минут, пока все рассаживались, в кухне стояла тишина, нарушаемая лишь скрипом стульев, звяканьем тарелок и стуком приборов. Затем миссис Уизли обратилась к Сириусу:

– Давно хотела тебе сказать. В письменном столе в гостиной что-то заперто, оно грохочет и трясет ящик. Может, конечно, и взрыв, но, по-моему, прежде чем выпускать, надо бы на всякий случай показать Аластору.

– Как скажешь, – равнодушно пожал плечами Сириус.

– И еще. В занавесках полно мольфеек. Я подумала, может, завтра ими и займемся?

– Жду не дождусь, – ответил Сириус. Гарри уловил его сарказм, но не был уверен, что остальные тоже обратили внимание.

Сидевшая напротив него Бомс забавляла Джинни и Гермиону, меняя форму носа после каждой ложки рагу. Всякий раз она напряженно кривилась, как тогда, у зеркала в комнате Гарри. Нос то сильно выдвигался вперед и становился похож на орлиный клюв Злея, то сморщивался до размеров крохотной грибной шляпки, а то вдруг из каждой ноздри вырастала густая щетка волос. Видимо, так они развлекались далеко не в первый раз, потому что скоро Джинни и Гермиона стали просить показать их любимые носы.

– Бомс, а давай свиной пяточок!

Бомс послушалась, и Гарри, подняв глаза, увидел перед собой улыбающуюся девичью версию Дудли.

Мистер Уизли, Билл и Люпин жарко обсуждали гоблинов.

– Они пока не откликаются, – говорил Билл. – Я не могу понять, верят они, что он вернулся, или нет. Конечно, они вообще могут предпочесть остаться в стороне.

– Но к Сами-Знаете-Кому они не перейдут, я уверен, – покачал головой мистер Уизли. – Они ведь тоже понесли потери. Помните, он убил целую семью гоблинов, еще тогда? Где-то под Ноттингемом?

– Думаю, все будет зависеть от того, что им предложат, – сказал Люпин. – Я не о деньгах. Но если он предложит им те свободы, в которых мы им отказываем вот уже много веков, они могут купиться. Билл, как твои переговоры с Рагноком? Есть успехи?

– У него обострение колдофобии, – ответил Билл, – никак не может успокоиться после той истории с Шульманом. Говорит, министерство все покрывает, – те гоблины-то так и не получили своего золота...

Конец фразы Билла потонул в громком хохоте. Близнецы, Рон и Мундугнус, сидевшие в середине стола, пополам сгибались от смеха.

– ...И тут, – давась и обливаясь слезами, говорил Мундугнус, – тут, хошь верьте, хошь нет, он ко мне подваливает и говорит: «Слышь, Гнус, у тебя откуда эти жабы? А то тут один нападалий сын взял всех моих да и попятил!» А я ему:

«Всех?! Да ты чё, Уилл?! Что ж теперь делать-то? Новых покупать?» И верите ли, парни, эта тупая горгулья скупила у меня своих же жаб, да еще за огромные деньги!..

– Довольно, Мундугнус, мы достаточно наслышаны о твоих деловых способностях, – оборвала миссис Уизли. В ее голосе слышался металл. Рон без сил повалился на стол, завывая от хохота.

– Миль пardon, Молли, – тут же сказал Мундугнус, утирая слезы и подмигивая Гарри. – Только, знаешь, Уилл их и сам спер у Прыща Харриса, так что вообще-то я ничего плохого не сделал.

– Не знаю, Мундугнус, где тебя учили тому, что хорошо, а что плохо, но ты явно пропустил пару важных уроков, – холодно процедила миссис Уизли.

Фред с Джорджем уткнулись в кубки с усладэлем. Джордж икал. Миссис Уизли по каким-то ей одной известным причинам недобро посмотрела на Сириуса, а потом встала из-за стола и ушла за большим ревеневым пирогом. Гарри повернулся к крестному.

– Молли не любит Мундугнуса, – тихонько пояснил Сириус.

– Как он вообще оказался в Ордене? – тоже очень тихо спросил Гарри.

– От него довольно много пользы, – пробормотал Сириус. – Он знаком с преступным элементом... впрочем, как иначе, если он и сам... Потом, он чрезвычайно предан Думбльдору, тот его когда-то вытащил из очень крупной передраги. Такого человека всегда полезно иметь под рукой – он знает всякие вещи, которые нам узнать неоткуда. Но Молли считает, что оставлять его ужинать – это слишком. Так и не простила его за то, что он удрал с дежурства и бросил тебя без присмотра.

После трех порций ревеневого пирога с заварным кремом пояс джинсов стал врезаться Гарри в живот (что говорило само за себя – джинсы раньше принадлежали Дудли). Гарри отложил ложку. В застольной беседе наступило затишье: сытый и довольный мистер Уизли откинулся на спинку стула, Бомс, уже с нормальным носом, отчаянно зевала, а Джинни, выманив Косолапсуса из-под шкафа, сидела на полу скрестив ноги и катала пробки от усладэля – коту

навилось за ними гоняться.

– Кажется, пора спать, – зевнув, сказала миссис Уизли.

– Еще нет, Молли, – отозвался Сириус, отодвигая пустую тарелку и поворачиваясь к Гарри. – Знаешь, я на тебя удивляюсь. Я думал, ты первым делом спросишь про Вольдеморта.

Атмосфера в кухне переменилась в мгновение ока, будто внезапно прибыли дементоры. Сонная безмятежность мигом рассеялась, повисло тревожное, даже испуганное напряжение. При упоминании Вольдеморта пробежал ропот. Люпин, собравшийся отхлебнуть вина, замер и медленно, настороженно отставил кубок.

– Я спрашивал! – возмутился Гарри. – И Рона, и Гермиону. Но они сказали, нас не пускают в Орден, поэтому...

– И они совершенно правы, – перебила миссис Уизли. – Вы еще слишком малы.

Она сидела, выпрямившись, сжимая кулаки на подлокотниках. От дремоты не осталось и следа.

– С каких это пор для того, чтобы задавать вопросы, необходимо быть членом Ордена? – осведомился Сириус. – Гарри целый месяц, как в тюрьме, сидел у муглов. Казалось бы, он имеет право знать, что произо...

– Минуточку! – завопил Джордж.

– Почему это на его вопросы можно отвечать, а на наши нет? – рассердился Фред.

– Мы весь месяц пытались хоть что-нибудь из вас выудить! А вы нам ни одного паршивенького словечка не сказали! – крикнул Джордж.

– Вы слишком юны, вы не входите в состав Ордена, – пронзительно запричитал Фред, до боли похоже на свою мать. – Гарри вообще несовершеннолетний!

– Я не виноват, что вас не посвящали в дела Ордена, – спокойно произнес Сириус. – Так решили ваши родители. А вот Гарри...

– Не тебе решать, что лучше для Гарри! – воскликнула миссис Уизли, и сейчас в ее добром лице отчетливо читалась угроза. – Забыл, что сказал Думбльдор?

– Что конкретно? – вежливо, но, похоже, готовясь к сражению, поинтересовался Сириус.

– Что Гарри не нужно рассказывать больше, чем ему следует знать. – Последние два слова миссис Уизли произнесла с нажимом.

Головы Рона, Гермионы, Фреда и Джорджа поворачивались от Сириуса к миссис Уизли и обратно, как на теннисном матче. Джинни стояла на коленях среди забытых пробок и с открытым ртом следила за разговором. Люпин не сводил глаз с Сириуса.

– Я вовсе не собираюсь рассказывать больше, чем ему следует знать, Молли, – отчеканил Сириус. – Однако, поскольку именно Гарри видел, как вернулся Вольдеморт, – (за столом снова все содрогнулись), – он больше многих других имеет право...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/dzhoan-rouling/garri-potter-i-orden-feniksa-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)